

НАДЕЖДА САМАЕВА

У ВОЛШЕБСТВА
ЗАПАХ КОРИЦЫ

Annotation

Одни заводят личный дневник, потому что скучно, иные – когда нет друга, а она – чтобы выжить и не сойти с ума.

Угодить в мир, где главенствует магия, живут эльфы и драконы. Занять на время место дочери придворного алхимика. Выйти замуж помимо воли и стать свидетельницей убийства. Оказаться связанной клятвой мести и попытаться не только выжить в водовороте интриг, но и не потерять себя. Когда тайна и опасность становятся постоянными спутниками, единственным якорем в чужом мире становится любовь...

А вы готовы окунуться в мир придворных тайн?

Надежда Мамаева

У волшебства запах корицы

© Н. Мамаева, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

День первый

13.02.2016 по римскому календарю

16 травня 9785 года по веремскому летоисчислению

Здравствуй, дорогой дневник! Ни разу в жизни не вела личных записей, а вот сегодня поняла – накопилось, и если не выскажу всего, не человеку, а хотя бы бумаге, то не выдержу. Поэтому-то сейчас и строчу гусиным пером, царапая пергамент, хотя еще пару дней назад держала в руках шариковую ручку. Но обо всем по порядку.

* * *

Практикумы по аналитической химии, которые вел Лихославский, всегда проходили в тишине. Не потому, что предмет был скучен, вовсе нет. Скорее наоборот: звучный голос молодого обаятельного аспиранта, объясняющий основы качественного анализа, увлекал, затягивал. Сложные уравнения, в которых перечисление реагентов порою занимало не одну строчку, при разборе из его уст оказывались просты и понятны, как дважды два. Доска, испещренная формулами и условиями проведения реакций, скрип шариковых ручек, стрельба глазами в сторону симпатичного аспиранта – атмосфера практикумов была на удивление располагающей. На занятиях Лихославского, проходивших, к слову, с восьми утра, не было опоздавших и не пришедших. Наоборот, девичья часть группы являлась вовремя и при полном параде. Девушек не пугали зимние морозы – мини-юбки и декольте правили модным балом, а лабораторные халатики были до неприличия коротки и всегда распахнуты, попирая тем самым все требования безопасности.

Я не любила быть на глазах у преподавателей, но и галерка не прельщала: половину не услышишь, поэтому обычно садилась за средними столами. В тот день за окном кружила метель, и мороз рисовал на стекле замысловатые узоры. Пушистые сугробы, что намела заботливая хозяйка-зима, были в половину человеческого роста.

Лабораторный практикум закончился, и студенческая братия в едином порыве рванула со своих мест, не снимая халатов. Большая перемена – успеть бы в буфет очередь занять, пока народ не набежал. Я слегка замешкалась. В новую сумочку, доверху набитую, никак не хотела влезать толстая тетрадь. Впрочем, сегодня многое, помимо сумочки, было новым: прическа, макияж, одежда. Накануне мы с подружкой в преддверии четырнадцатого февраля решили поменять мне имидж. А что? Если валентинкой порадовать некому, можно и самой себе подарок организовать, вот такой, необычный.

Утром, правда, чуть было не пожалела о принятом накануне решении: непривычно было видеть себя огненно-рыжей и с ярким макияжем. Короткое легкомысленное платьице. Не умею носить такие, но Анжела настояла: «Надень, ты в нем просто супер!» Оно довершило образ барышни, ждущей с нетерпением весны. И вот я, вся такая «супер», сейчас страдала от результатов персонального «ребрендинга», на который, между прочим, ушли все мои скромные сбережения.

Жертвой противостояния логики (невозможно впихнуть не влезающее) и моего упорства стала злополучная сумочка – у нее просто оторвалась ручка. Как оказалось, китайские

«Дольче Габбаны» держатся буквально на одном стежке. Содержимое тут же разлетелось по полу. Я начала быстро собирать упавшее и, посмотрев вверх, поймала взгляд преподавателя, обращенный на меня.

Непроницаемая маска безразличия. Мужчина наблюдал за мной без каких-либо эмоций: ни раздражения, ни нетерпения, ни сочувствия. Вообще ничего. Даже на миг показалось, что все очарование аспиранта, завораживающее девушек на лекциях, какое-то нереальное, искусственное и сейчас передо мной настоящий Лихославский: расчетливый и циничный. Но это был только миг.

Аспирант побарабанил пальцами по столешнице и вновь глянул в мою сторону. Когда он заговорил, его голос был тихим, напоминающим дуновение ветра, шорох осенних листьев:

– Вам никто не говорил, что вы сегодня по-весеннему красивы... – Мягкая, обезоруживающая улыбка, и только для меня. Это насторожило.

Зажимая стопку собранных тетрадей перед собой, поднялась, поправляя юбку, которая в этот момент по ощущениям была вопиюще короткой. Мужчина меж тем решительно подошел к двери кабинета и запер ее, убрав ключ в карман. Мне это совсем не понравилось, и я неосознанно начала пятиться.

Лихославский обернулся. Его обаяния как не бывало. Безумные глаза, непроизвольно сжимающиеся руки, губы, которые он постоянно облизывал.

В голове мысли мелькали калейдоскопом: Янка, бывшая одногруппница. Яркая, эффектная, в октябре она как-то разом увяла, замкнулась в себе, а потом и вовсе перевелась на заочное отделение. А она ведь тоже была без ума от этого Лихославского. Сообщение о пропавшей в декабре студентке с первого курса. Ее так и не нашли.

В несколько шагов аспирант приблизился и резко схватил за плечи. Рывок в сторону оказался для меня полной неожиданностью. Лихославский буквально запихнул меня в узкий простенок между шкафом и вытяжкой.

– Ну же, будь хорошей девочкой, не упрямься. Я же знаю, ты специально для меня так оделась, и осталась наедине тоже специально. Вы все так делаете, провоцируете, а потом ноете, что не хотели. Хотели, еще как хотели. – Его жаркий шепот прямо в лицо напугал. Еще больший страх я испытала, когда руки мужчины бесцеремонно проникли под юбку и начали жадно шарить в районе живота, все выше задирая подол платья.

– Что вы делаете? – Происходящее настолько не укладывалось в голове, что я в первый момент растерялась.

– Ну что тут такого. Доставим друг другу немного удовольствия. Ты вроде ничего, а я тебе нравлюсь, я всем нравлюсь... – Это был голос одержимого, маньяка.

Первый шок прошел, и я начала отчаянно сопротивляться. Осознание, что меня сейчас банально изнасилуют, придало сил. Заорала, но Лихославский тут же приложил меня затылком о стену так, что едва не потеряла сознание, а потом заткнул рот одной рукой. Этот ненормальный же, не теряя времени даром, стаскивал с меня колготки. Его штаны уже были приспущены, и оттопыренный член подрагивал в возбуждении.

В этот момент я ненавидела все и вся: идею сменить прическу, короткое платье, эту двуличную аспирантскую заразу. Тяжесть его тела и ощущение, что сейчас он овладеет мной, были невыносимы.

Кто-то дернул дверь с той стороны, проверяя: открыто ли? На мгновение Лихославский отвлекся и я, толкнув его, рванула из простенка. Не успела. Он нагнал буквально через пару шагов. Яростное сопротивление, звон разбивающегося стекла и полет.

Все было как в замедленной киносъемке. Я, летящая спиной вниз, и падающие сверху в лицо осколки. Все медленнее и медленнее. Стекло застывало, вязло в воздухе, как в смоле, и мое тело вместе с ним. На уровне подоконника второго этажа, когда до земли осталось совсем чуть-чуть, я и вовсе зависла в воздухе, не в состоянии пошевелиться. Только скосила глаза сначала в одну, потом в другую сторону. Сюрреалистичность происходящего пугала даже больше, чем то, что я сейчас разобьюсь. Потому как падение с четвертого этажа и его итог – хотя бы подчиняется законам физики и, что уж говорить, неприятно до летальности, но типично, а вот то, что происходило сейчас...

Здоровенного таракана (с ладонь, не меньше, не иначе родственник мадагаскарских), прыгнувшего мне на грудь, в этой ситуации я уже восприняла спокойнее, а вот то, что он говорящий, – нет. Захотелось банально заорать, но не могла – губы не слушались.

Меж тем усатый родственник пруссаков изрек:

– Жить хочешь? – и, привстав на заднюю пару лапок, словно сурикат, потер перед собой передними.

Возможность говорить вернулась. Орать, кстати, тоже, чем я незамедлительно воспользовалась.

Таракан недовольно пошевелил усами после того, как звуковая волна иссякла.

– И почему мне всегда достается роль парламентаря? – сам себе пробурчал таракашка. А потом, обращаясь уже ко мне, добавил: – Еще раз спрашиваю: жить хочешь?

– Ддаа, – выдавила из себя. Насколько бы нереальной ни была ситуация, близко знакомиться со льдом и асфальтом мне все же не хотелось. Как и превращаться в отбивную.

– Тогда у меня к тебе есть деловое предложение: ты помогаешь мне уладить одно дельце в другом мире, а я возвращаю тебя в этот. В эту же самую точку.

– И какая мне от этого выгода – разобьюсь же? – подытожила я.

– За это можешь не волноваться. Смягчу падение, отделаешься сломанной рукой или ногой. Окружающие посчитают это чудом, а ты будешь рассказывать, что вся жизнь пронеслась перед глазами.

В этот момент я поняла, не важно, соглашусь я или нет, клиентом доктора мне быть. Эскулап нацепит на меня ярлык обязательно, вот только кто это будет: патологоанатом или психиатр? Мозгоправ был как-то привлекательнее (все-таки говорящий таракан – пусть и шиза, но с ней жить проще, чем с пробитым черепом), и я решилась.

– Хорошо, я согласна. Только сразу предупреди, что от меня требуется. Некоторые вещи я физически выполнить не смогу.

Тут я не лгала. На шпагат, например, садиться не умею, базу Пентагона тоже не взломаю.

– Да от тебя особо ничего и не требуется, пару часов поизображаешь дочь придворного алхимика и вернешься сюда, долетать остаток пути. – Таракашка зашевелил усами, описал круг на моей груди, а потом по шее забежал на лицо. Его усы начали щекотать мне ноздри.

Меня не стошнило лишь по одной причине – двигаться не могла.

– Ну, раз ты согласна... – протянуло насекомое, а потом патетично прогнусавило: – *Прентуриармус эолирмис.*

Тело окутало сияние. В мозгу не к месту возникла мысль: «А каков спектр его свечения? Без радиоактивных волн, надеюсь?» Постепенно свет становился все ярче, настолько нестерпимый, что вызывал физическую боль, от которой я и отключилась.

Пришла в себя, лежа на чем-то твердом, жестком и холодном. Бульжная мостовая? По

ощущениям так оно и было.

– Как похожа! Просто отражение в зеркале, вылитая Кесси... – Незнакомый мужской голос с характерными старческими нотками. Вроде и нет в нем явного брюзжания, визгливых интонаций, а слушаешь и понимаешь – не молодой, совсем не молодой человек говорит.

– Я старался, хозяин. – А это, судя по всему, мой недавний членистоногий знакомый.

– Старался он. А почему тогда девица без сознания?

– Переход был осуществлен с ее согласия. Если бы не согласилась, портал бы ее вообще сжег. И вообще, вы же сами знаете, проще перенести из другого мира душу. Может, надо было подождать, пока она разобьется, а уже потом...

«Ну, паразит усатый, я тебе покажу «разобьется», дай только в себя приду», – подумалось мне.

– Душа – это хорошо, но мне нужно именно тело, живое и целое. Поэтому давай, приводи девушку в чувство и объясни ей ее задачу.

Шаркающие шаги, скрип несмазанных петель, сквозняк, стелющийся по полу, а затем тишина. Чувство, что мою голову использовали вместо наковальни, все усиливалось. Я застонала и тут же ощутила, как по лицу кто-то бежит. Маленький, перебирая шустрыми лапками.

– Очнулась? – Голос настолько заботливый, что навевает ассоциации о тапках и мухобойках.

– Да, – выдавила я из себя через силу.

– Ну, вот и хорошо! Судя по тому, что говоришь ты на местном языке, тебя при переходе еще об адаптационную сферу приложило.

Поскольку внятно ответить этой членистоногой заразе я не могла, она продолжала разглагольствовать:

– Обычно, когда порталом протаскиваешь кого-то из другого мира, сфера на него не реагирует, и приходится вешать коммуникационный амулет или накладывать заклинание транслингвы, в самом крайнем случае учить язык по старинке, зубря слова, но ты у нас, похоже, везучая... – Последнее слово он протянул так, что сомнений не оставалось, какого рода это самое «везение».

Я же попыталась принять сидячее положение. Удалось задуманное попытки с седьмой, а может, десятой, не считала специально. Таракан в это время нарезал вокруг меня круги, шевеля усами.

– Ну, давай, выкладывай мне про эту вашу сферу или что мне там знать нужно?

Шевелиться боялась, чувствуя, что одно неверное движение, и голова разлетится на мелкие осколки.

Судя по всему, тараканище дорвался до благодарного слушателя (а мне-то что – пусть болтает, я его все равно сейчас адекватно воспринимать не могла).

– В этом мире живет несколько рас, у каждой свой язык. Чтобы не заучивать их все сразу, маги придумали сферы – ими накрыты большинство городов. Проходя через такую, твой словарный запас переводится на язык, на котором принято разговаривать под этой сферой.

Я представила себе такие гигантские купола, а-ля мыльный пузырь, накрывающий территорию Франции, например. Впечатлилась.

– Кстати, они невидимы и не ощущаются при проходе, хотя в твоём случае ничего точно

сказать нельзя. Они же рассчитаны на жителей этого мира.

Судя то тому, что вопросов я не задавала, таракан решил, что в моей голове в принципе легко укладывается то, что, по сути, не лезет ни в какие ворота, и продолжил:

– Но это к делу не относится. А вот то, зачем ты понадобилась моему господину, великому придворному алхимику Микелису Глиберусу... У него есть дочь, Кассандриола, Кесси. Тебе выпала честь быть на нее до неприличия похожей. Так вот, она на днях слегла. Ее прокляли – наложили заклятие, побочный эффект которого, помимо прочего, и абсолютное безмолвие. Сейчас ей уже лучше, но встать с постели она никак не может, как и говорить. А сегодня день объявления ее помолвки.

– Ну и в чем проблема, перенесли бы, – невольно вырвалось у меня.

– Проблема в том, что помолвка эта политического плана, о ней была договоренность, и именно ради этого приехало посольство.

– Ради дочери придворного алхимика? – Сомнение в моем голосе можно было черпать ложкой.

– Не ради одной, конечно, ради двух дюжин. Просто принцесс и принцев королю жаль, да и шпучный товар – королевские особы. Укреплять же межрасовую дружбу надо, за счет браков в том числе. А с драконами мы сейчас начали дружить особенно рьяно – как-никак, только что война закончилась, вот и заверяет наш король в своей искренней дружбе бывших противников, как может.

От тараканьей трескотни голова разболелась еще сильнее, но я стоически терпела.

– Кесси прочили за драконьего князя рода Дирриетгинга, и сегодня – церемония объявления помолвки. Не явиться на нее – значит, не просто впасть в немилость короля, это может послужить началом конфликта.

– Ну да, уважительной причиной неявки на лекцию может быть только смерть студента, – процитировала я слова грозы нашего факультета Алоизии Эриховны, декана и жуткой стервы в одном лице.

– Точно. Поэтому сейчас я позову служанку, которая приведет тебя в надлежащий вид, и мы отправимся на церемонию. Там тебе нужно будет произнести только одно слово: «согласна», и ты, считай, свободна.

Все сказанное тараканом было хотя и абсурдным, но логичным. Да и выбирать мне особо не приходилось. Эх, знала бы я, чем все это обернется...

* * *

Садиста, придумавшего корсеты, надо было самого засунуть в это пыточное устройство и заставить совершить марш-бросок через пустыню Гоби. Чтобы это зараза умирала долго и мучительно. Служанка шнуровала меня, безбожно сжимая ребра пластинами, бюски впивались в талию, я скрежетала зубами.

– Еще немного выдохните, госпожа, – произнес голос, не отличающийся теплотой, но с должной долей почтения, – ваша талия чуть шире, надо ее еще затянуть.

«Куда еще-то? Вы сейчас мне печень выдавите в грудину вместе с желудком, один позвоночник останется», – про себя завопила я. Резкий рывок (хорошо, что я вцепилась в столбик спинки кровати – иначе бы точно упала), и служанка с чувством выполненного долга выдохнула:

– Все, теперь можно и платье надевать.

Глядя на бархат, расшитый серебряной нитью, я поняла, насколько сильно мое представление о данном предмете гардероба отличается от местных. Если знаменитое черненькое творение Коко Шанель умещалось на ладони, это произведение местных кутюрье не в каждый чемодан, полагаю, удалось бы запихнуть. А когда я его надела, то поняла, что не зря ходила в спортзал – весило оно не меньше десяти килограмм, давая столько же простору для маневра, как и плащ-палатка.

Стук в дверь и вежливое:

– Можно? – Знакомый голос, кажется, это Микелис Глиберус?

– Да, пожалуйста. – Что отвечать на подобный вопрос в этом мире, я не знала, так что выдала земной вариант.

Дверь открылась, явив мужчину. Уже в годах, с шевелюрой, в которой седина порезвилась вволю, с небольшим горбом, но уверенного в себе, с пытливым взглядом.

– Мой помощник, Фирселий, уже объяснил вам суть сегодняшнего действия и то, что от вас требуется? Как вас, к слову, зовут?

Столько вопросов и сразу. И тон – этот человек привык получать ответы.

– Да, таракашка объяснил, что нужно только дать согласие. А мое имя Наташа.

Мужчина усмехнулся в усы.

– Ответ неверный. Здесь и сейчас вы – Кассандриола Глиберус, моя дочь. Что же до «таракашки» – не называй его так, он обижается. – На этих словах алхимик хитро прищурился. – Ну да время не терпит, прием уже совсем скоро. Пройдем к порталу.

– А я думала, вы не маг, а алхимик... – не к месту уточнила я.

– Не просто алхимик, а один из сильнейших чародеев королевства. И да, держись весь прием подле меня, никуда не уходи. Если что-то спросят, постарайся отвечать как можно более размыто, а лучше вообще молчи.

Доходчивая и подробная инструкция, ничего не скажешь. Ну да делать нечего. Уцепилась за галантно подставленный локоток «отца» и пошла, как в приснопамятном «Служебном романе», от бедра.

Увидев мои потуги в дефиле, Глиберус закашлялся, словно откусил бутерброд, на котором вместо масла был намазан скипидар. Наконец, обретя возможность говорить, «папенька» выдал:

– Я понимаю, наши миры весьма различны, как и понятия об этикете, но не стоит задиравать юбку до колена.

«Лучше пробороздить носом пол, наступив на подол», – мысленно закончила я речь за алхимика. Ну что тут такого? Я всего лишь приподняла передний край юбки так, чтобы не зацепить его. Ну, вышло чуток выше, и оказались видны ноги до середины икры. Так никто же, кроме «папеньки», не видит. Но, как оказалось, месье Глиберус был иного мнения.

– Приличные девушки ведут себя целомудренно, – проворчал он, назидательно подняв палец вверх, – глаза опускают долу, говорят лишь тогда, когда их о чем-то спрашивают, и юбок не задирают ни в коем разе.

– Хорошо, поняла. – Я чувствовала себя продавцом «Макдональдса», который всегда улыбочив, понятлив и все схватывает на лету, каким бы самодуром ни был клиент.

– Вот и славно. – Глиберус похлопал меня по запястью той руки, которой я за него держалась.

Больше мы не обменялись ни звуком, только ткань платья шуршала по полу. Даже

таракашка перебирал лапами по паркету абсолютно бесшумно, периодически поднимая свою лобастую морду на меня и выразительно шевеля усами.

Портал больше всего напомнил мне зеркало. Большое такое, чтобы можно было без труда рассмотреть себя в полный рост, в массивной металлической раме. Только вместо отражающей поверхности – свет. Не яркий, он струился, переливался и был в каком-то постоянном, одному ему ведомом, движении.

– Это портал перехода? А почему в раме?

Фирселий оказался на редкость словоохотливым насекомым:

– Материальная рамка нужна для того, чтобы контур заклинания оставался стабильным. Без него велика вероятность того, что при переходе тебя выкинет не в том месте, где рассчитывал появиться. – Протараторив все это, таракашка серьезно, по-командирски, прибавил: – Замри и не шевелись.

Я сначала не поняла, к чему это он, а когда по моему платью, а потом и по плечу Фирселий начал проворно перебирать лапками, орать было уже поздно. Таракан, подобно покорителям Эвереста, не остановился на достигнутом и начал штурмовать мою прическу, как неприступный бастион.

Служанка постаралась на славу, укладывая мою рыжую копну в высокую прическу. Локоны образовали нагромождение завитков и волн, увеличив рост на голову, не меньше. В этом стогу Фирселий, похоже, и зарылся. Его повелительное: «Теперь можно идти», – свидетельствовало о том, что усатый чувствует себя на своем месте и не раз проделывал подобный трюк. Следующая фраза членистоногого подтвердила мои догадки:

– Не переживай, я с Кесси кучу раз такое проделывал. Зато, если что, смогу тебе помочь и подсказать.

Да уж, фраза «неприятности подстерегают повсюду, но самые хитрые из них путешествуют вместе с тобой» сегодня для меня приобрела новый смысл. Буквальный.

Алхимик, наблюдавший всю эту картину, лишь усмехнулся, а потом сказал:

– Я первый, вы – следом. Не бойтесь, это все равно что перешагнуть через порог.

Подавая пример, он так и сделал – просто шагнул в раму, скрывшись в пелене света. Я на всякий случай обошла «зеркало» с другой стороны. Вот уж дитя века научно технического прогресса, воспитанное на шоу Дэвида Копперфильда: легче поверить в гений инженерной мысли, чем в чудо, даже если волшебство – априори.

– Давай, пошли уже, хватит круги нарезать. – Нетерпеливый голос, раздавшийся прямо над головой, заставил выдохнуть и мужественно шагнуть в светящееся нечто.

«Переступить через порог, как же!» – очумело подумала я. Ощущения были такие, словно шагнула с этажа небоскреба, находящегося на краю кратера вулкана: пока летишь до «пункта назначения», успеешь превратиться в качественно прожаренный бифштекс. Благо все это длилось недолго. Пара мгновений, и я оказалась в сумрачном зале. Напротив меня уходила вверх лестница. Признаться, впервые видела такую. Пресловутые красные ковровые дорожки, постеленные на беломраморных ступенях, теряли по сравнению с ней всю свою привлекательность. Эта лестница была отдельным произведением искусства: необыкновенное разнообразие декора – колонны, зеркала, статуи, затейливая золоченая лепнина, огромный плафон, созданный талантливыми живописцами. Разделенная на два торжественных марша, она вела к анфиладе.

– Прошу вас, дочь моя. – Алхимик, стоявший тут же, рядом с порталом, протянул мне руку.

Я не преминула воспользоваться его предложением, украдкой оглядывая остальное убранство зала: все пилястры и каминные были облицованы малахитом. Бронзовые базы и капители колонн, резные деревянные двери, рамы зеркал, лепка сложного орнамента, покрывающая потолок, – все то ли вызолочено червонным золотом, то ли покрыто натертой до блеска латушью.

Мой практичный ум, глядя на это блестящее великолепие, вынес вердикт: «Все-таки золото: полировать неблагородный металл на потолке весьма проблематично, а блестит, как новенький...» Сочетание интенсивных зеленых тонов малахита с золотом определило парадное звучание интерьера, поэтому в нем, мимикрируя под окружающую обстановку, не бросалась в глаза охрана, бдящая у портала в зеленых же с золотом мундирах.

Ощущение торжественности и тягостное молчание витало в воздухе, разливалось в нем широкой рекой, давая на сознание не хуже умелого психоаналитика. Мы с «папенькой» в гробовой тишине прошествовали по лестнице. Таракан (судя по тому, как глубоко он закопался в прическу, можно уже было использовать предлог не «на», а «в») моей голове тоже пока молчал.

Когда мы были на середине лестницы, за нашими спинами послышалось какое-то движение.

– Еще одна прибывшая чета, – прокомментировал алхимик. – Сегодняшний прием, хоть и закрытый, но в гостях недостатка не будет. А как ты, моя дорогая Кесси, находишь новое оформление зала телепортаций? Мне, признаться, прежний беломраморный вариант нравился гораздо больше.

Его «Кесси» меня слегка покорило, но тон, отчетливо намекающий, что отцу с дочерью надлежит создать хотя бы видимость светской беседы, заставил подобающе ответить:

– Белый слишком безлик. Он как свежий холст, на котором каждый рисует картины по своему разумению и настроению. Зеленый же питает надежды...

Старик удовлетворенно хмыкнул, принимая ответ. Похоже, тот ему понравился.

– Рад, что, несмотря на многие твои недостатки, – тут Глиберус выразительно посмотрел на меня, намекая на земное происхождение, – ты не разочаровываешь своего отца. Надеюсь, так и будет в дальнейшем.

– Я тоже на это очень надеюсь, как и на ваши милости.

Под этот милый завуалированный треп мы неторопливо добрались через анфиладу до тронного зала. Во всяком случае, я для себя окрестила его именно так, по причине стоящего напротив входа монаршего седалища, на котором и разместился местный владыка.

Когда мы только появились в дверном проеме, церемониймейстер ударил жезлом (негромко, но так, чтобы было слышно) и известил:

– Алхимик его королевского величества Нериуса Седьмого Победоносного Микелис Глиберус с дочерью.

Запоздало подумалось: «А почему, собственно, только с дочерью? Как же почтенная матрона сего семейства?» – но задавать родившиеся вопросы было уже некогда. «Папенька», подобно буксиру, тянущему севшую на мель баржу, повел меня к трону.

– Сделай реверанс и склони голову, как только подойдем к королю поближе, – наставительно прошептал он.

Я уже поняла, что в случае моего «батюшки» краткость не просто была сестрой таланта, но она еще и занималась братоубийством, потому как инструкции Микелиса были до ужаса

короткими и размытыми. Нет бы уточнить, где это самое «поближе» начинается и как долго сидеть в положении «волейболистка принимает подачу снизу» – именно так я воспринимала положение ног в этом самом реверансе, благо юбка длинная и раскоряки из коленок не видно.

Наконец «папенька» остановился, не доходя до трона метров пять, и почтительно склонил голову. Я поняла, что пора начинать приседания и, шаркнув ножкой в сторону, согнула колени.

– Встать-то сможешь? – ехидный комментарий из прически вызвал непреодолимое желание поправить шевелюру, хорошенько треснув себя по голове. Ну и пусть испорчу все к чёртовой бабушке, зато одним ехидным созданием в этом мире станет меньше. Я и так стараюсь, почти носом в ковровую дорожку утыкаюсь, благо декольте неглубокое, а то этому Победоносному открылась бы весьма интригующая картина.

– Нет такого препятствия, которое русский человек не смог бы преодолеть и обматерить, – выдала я на ультразвуке.

Таракан в голове замолк. Наверное, переваривал услышанное. Я же тем временем скосила глаза на Глиберуса, который начал выпрямляться, и посчитала, что и мне можно выбираться из зет-образной позы.

Как только мы с «папенькой» отошли на достаточное расстояние, алхимик соизволил озвучить мне хронометраж мероприятия:

– Все невесты уже в тронном зале, скоро прибудет посольство и начнется церемония помолвки. Герольд будет зачитывать имена пар, названные выйдут в центр зала и перед тронном подтвердят свое согласие на помолвку. Тебе надо будет лишь сказать «да», после этого вернуться ко мне и дожидаться окончания церемонии.

– У меня вопрос: у вас же мир магический, не проще ли было морок какой навести и делегировать уроженку этих мест? Зачем такие сложности со мной?

Но откликнулся не «папенька», подбиравший лаконичный и четкий ответ, а словоохотливый Фирселий:

– Есть небольшая загвоздка. Посмотри на свод потолка. По центру этого зала в зените купола установлен кристалл истины. Мера безопасности, так сказать, но она разрушает любую иллюзию, любые чары, а парик или накладной нос может разглядеть сам жених, поэтому-то и нужна была девушка, обладающая природным сходством с эталоном.

– А то, что волосы у меня немного не природного оттенка?

– Знаешь, даже вблизи непонятно, что это не твои, если ты сама не скажешь. Но, скажу по секрету, твои локоны на вкус совсем как одна из склянок в алхимической лаборатории...

– Ты что, еще и волосы мои ешь? – Да, мы, дочери Евы, такие: в первую очередь обращаем внимание на мелочи, ибо из них в основном и складывается картина.

– Я такую алхимическую гадость не ем, лишь невольно дегустирую, если под жвалы попадает, – проворчал таракашка.

Тут его речь прервал стук жезла и зычный голос церемониймейстера, вслед за которым грянули фанфары: прибыло посольство.

Они шли, чеканя шаг, гордые, с высоко поднятыми головами. Все в черном, отличные лишь цветом шевелюры и прической, даже черты лица, выражение было чем-то неуловимо схоже у всех двух дюжин мужчин. «Не мужчин, драконов», – педантично поправила я сама себя.

Они напомнили мне офицеров на построении в честь Парада Победы. Словно это был

не официальный прием, а показательные маневры.

Остановившись в пяти метрах от трона, глава драконьей делегации поприветствовал королевское величество Нериуса. Слова посла, прозвучавшие после обмена этикетными любезностями, повергли меня и «папеньку» в шок:

– Ваше величество, при всем моем глубоким уважении и почтении к вашим традициям, я, Салик Чейдра, от лица моего правителя и всех рассекающих высь прошу Вас все же их нарушить. – Нериус Победоносный молчал. Дракон посчитал тишину дозволением продолжить: – Дело в том, что нам, сынам неба, угрожают соседи с Чернолесья. Те, кто должен составить счастье ваших дочерей, не позднее чем завтра отправляются в военный поход. Поэтому нижайше прошу о дозволении провести сегодня церемонию не помолвки, а бракосочетания, дабы все рассекающие высь смогли исполнить свой долг.

Красивые обороты речи и чуть шелестящий, напоминающий об огненно-золотистой листопадной осени голос посла не смогли скрыть смысл сказанного: мне хана.

Король меж тем, насупив брови и побарабанив пальцами по подлокотнику трона, изрек: – Наши народы поклялись друг другу в вечной дружбе, а друзьям пристало идти навстречу друг другу. Пусть будет по-вашему, и сегодняшние браки будут осенены королевским благословением.

Я в панике посмотрела на «папеньку». Мелкие бисеринки пота на лбу алхимика, его враз побелевшие губы, бегающий взгляд.

– Что будем делать? – шепотом спросила я.
– Действовать по первоначальному плану, – так же шепотом ответил Глиберус, а потом, словно решив для себя что-то, твердо добавил: – Отступать некуда, если узнают о подмене, ни мне, ни тебе голов не сносить. Так что пока молчи. А после церемонии постарайся от мужа скрыться, изобрази, что тебе дурно, спрячься... Я придумаю, как вас с Кесси поменять местами, чтобы дракон ничего не понял. Главное, чтобы сейчас он оставил тебя здесь, а не забрал с собой.

«Вот уж перспективка так перспективка!» – Мысль пронеслась в моей голове галопом, а герольд между тем начал объявлять имена «счастливых» женихов и невест.

Лица молодоженов в момент сочетания священными узами были такими, что невольно создавалось впечатление – это профессиональные дегустаторы уксуса.

– Кассандра Глиберус и Арий Дирриетгинг.
В центр зала вышел высокий статный мужчина. Волосы, белые как лен, контрастировали с темными бровями. «Любопытно, шевелюра поседела или природа расщедрилась на столь дивное сочетание?» – мелькнула невольная мысль. Да еще глаза. Встреть я такие в своем мире, непременно решила бы, что это – линзы. Уж больно насыщенный синий цвет, словно не радужка, а пресловутая берлинская лазурь. Прямой нос, губы, решительно сжатые. Словно вышедший был не в тронном зале, а на поле брани. Разглядывая этого Ария, для себя вынесла вердикт: уже далеко не юнец, но и не в годах. Плохо, очень плохо. Молодого легче обмануть, от старика – спрятаться, а этот... Чувствовалась в нем внутренняя сила, не сулящая мне ничего хорошего.

Пока он шел, заметила, как дракон слегка прихрамывает на правую ногу. «Интересно, это у него с рождения или жизнь так потрепала?» – возник в голове еще один непрошенный вопрос. Но этот его недостаток не мешал ему идти с потрясающей грацией и плавностью.

Похоже, что я слегка запоздала с выходом, ибо получила от Глиберуса легкий толчок в спину, задавший направление. «Только бы не упасть, только бы не упасть...» – эта мысль

была единственной связной среди той чехарды и мешанины, что в тот момент царила у меня в голове.

Когда я приблизилась к «нареченному», заметила, как скривились его губы. Ну да, он тоже не от большой любви тут стоит, но зачем это так явно демонстрировать-то?

Я всегда полагала, что свадьба у знати – дело обстоятельное, пышное и торжественное. Все оказалось до неприличия скудно. Прямо как на кассе супермаркета: минута на обслуживание, задали вопрос про пакет (пардон, «Берешь ли в мужья?»), получили согласие, и... не хватало только слова: «следующие». Единственная разница: вместо улыбчивой кассирши – король. Его вопрос: «Согласна ли ты, Кассандриола Глиберус, сочетаться браком при свидетелях с Арием Дирриетгингом?» и мое тихое «Да». Аналогичный вопрос дракону и его твёрдое «Согласен».

После этого, не говоря ни слова, мужчина взял мое запястье и чиркнул по нему ногтем. Не знаю, из чего у него был этот самый ноготь, но на коже образовался порез. Ранка начала быстро заполняться кровью. Пока я осознавала случившееся, Арий проделал то же самое со своей рукой, после чего соединил наши порезы, смешивая кровь. На Земле такой ритуал мог привести к заражению (СПИД и гепатит можно подхватить не только самым известным путем, но и через переливание, даже если доза была из категории «микро»), но этот мир был какой-то ненормальный. На моем запястье стал проступать рисунок. Причудливая вязь рун обвила запястье, скрывшись под широким рукавом.

Итогом всего этого безобразия стало заключение:

– Объявляю вас мужем и женой. – Голос короля прозвучал в моей голове набатом.

Герольд объявил имена следующий пары, и я хотела было вернуться на то место, откуда и пришла, собственно, – поближе к ненаглядному «папеньке», который ныне напоминал перспективного клиента реанимации: такой же бледный, готовый того и гляди потерять сознание. Как же, разбежалась, мой новоиспеченный благоверный ловко ухватил за локоток и притянул к себе.

– Вы теперь княгиня Дирриетгинг, извольте соответствовать. – Его голос напомнил шипение потревоженной гадюки. – Ваше место подле супруга.

Я покорно опустила голову, следуя за новоиспеченным муженьком и прикидывая: начать сцену потери чувств сейчас или дождаться конца церемонии и попробовать улизнуть. Взвесив свои актерские навыки и пожалев, что я не Джулия Робертс и даже не выпускница МХАТа, пришла к выводу, что стоит сначала все же попробовать незаметно исчезнуть из поля зрения дракона.

Свадебный конвейер меж тем набрал обороты. И что примечательно, многие драконы повторяли маневр Ария: отлавливали молодых жен, когда те после церемонии стремились обратно к родителям, и уводили с собой. «А у Глиберуса этот Арий, помимо подсадной дочери, увел еще и любимого таракана», – невесело подумала я. Фир же пока сидел в волосах тише мыши, даже лапками не перебирал.

Все хорошее когда-нибудь заканчивается, плохое, впрочем, тоже. Подошла к концу и оптовая брачная церемония.

Церемониймейстер объявил о том, что его королевское величество приглашает всех гостей пройти в янтарный зал, дабы отпраздновать только что свершившееся.

Шведский стол в антураже дворца меня впечатлил, а вот дракон, стоящий рядом, лишь презрительно поджал губы. Ну да, жизненный опыт князя и студентки химфака немного отличен. Я уже начала прикидывать, как бы половчее извернуться и высвободить свою руку

из мужниной, когда Ария окликнул кто-то. Дракон повернулся, отвечая на приветствие, и я, воспользовавшись ленивой суетой разряженной толпы и ослабевшим вниманием супруга, проворно высвободила свою руку. А дальше – дело техники. Может, великосветские барышни и не привыкли ужом пробираться через толпу, но студент, закаленный толчеей метро в час пик и переполненными маршрутками, способен не просто протиснуться между кринолинами, он умудряется и между каплями дождя лавировать. Я скрылась от Ария в считанные секунды и устремилась в галерею, примыкавшую к залу. Свет, по мере отдаления от места основного действия, тускнел, магические светляки попадались все реже, что не могло не радовать.

– Просыпайся, всезнайка! Кто мне обещал помогать? – тихим матерным тоном спросила я вольготно угнездившегося на моей голове квартиранта.

Таракашка оживился. Полагаю, он и морду свою высунул из копны волос, дабы лучше увидеть изменения обстановки.

– Вон там ниша, спрячься в нее и не высывайся. В ней навряд ли будут искать, только доспех отодвинь, а то не протиснешься. И на место поставить не забудь, как окажешься в нише.

Совет был дельным, а ниша – пыльной. Похоже, организатор торжества (или как здесь называют главнюка церемонии: распорядитель, вершитель), как ушлая хозяйка, к которой должны нагрянуть гости, а дома бедлам, решил навести порядок только в залах приема, оставив кучу сора в темных углах. Ну ничего, я девушка не гордая.

Пошли томительные минуты ожидания, одна, вторая, третья. Я сбилась со счета, когда мое отрадное уединение нарушили голоса. Говоривших было несколько, и диалог велся на повышенных тонах.

– Я повторяю еще раз, что отказываюсь в этом участвовать, вы – драконы, так и разбирайтесь сами... – вещал взволнованный мужской баритон.

Таракашка на голове оживился, начал перебирать лапками, пробираясь поближе ко лбу.

– А Вашего желания, собственно, никто и не спрашивает. Вы уже в этом участвуете... – уверенный ответ.

– Это уже переходит всякие границы, я расскажу королю! – обладатель баритона на последних словах перешел на крик. Звук отразился от стен и полетел по коридору, как неверно сыгранная гамма.

– Вы приняли окончательное решение? – в диалог вступил третий. Он задал вроде бы простой вопрос, но у меня внутри отчего-то словно холод поселился. Захотелось вжаться в нишу еще сильнее.

– Ддда, – баритон уже не был столь уверен.

– Жаль, – вновь этот пугающий голос, отдающий железом и страхом.

А дальше звук, словно зубочистку в яблоко воткнули, и что-то грузное упало на пол.

– Пойдем, здесь нам делать больше нечего. Этот предатель сам себе подписал смертный приговор...

Звук удаляющихся шагов и вновь тишина.

В мозгу закрутились шестеренки: «Надо срочно бежать, если найдут тело, станут обшаривать и все вокруг, и меня непременно обнаружат. А если об этом узнают еще и убийцы, мне крышка, причем сразу же надгробная». Активно начала отодвигать боевое облачение местного тевтонца, пытаюсь покинуть нишу. С полминуты пыхтела (забраться в убежище оказалось значительно легче, чем выбраться из оно), но все ж таки покинула мою

тайную обитель, правда, таракашка, зацепившись за забрало рыцаря, сверзся с моей шевелюры, упав на пол.

Я уже была готова рвануть в другую сторону, когда раздался слабый даже не голос, стон:

– Пожалуйста, подойди.

Говоривший держался из последних сил, чувствовалось, что ему до свидания с костлявой осталось полмига, но он упрямо цеплялся за жизнь.

Не знаю, что двигало мной в тот момент. Может, женская жалость, может, внутренняя убежденность в том, что последняя воля умирающего свята, может, заговорили гены бабки-фронтовички, которая всю Отечественную из-под пуль вытаскивала раненых. Не знаю, да и, если честно, не хочу знать.

Я подошла к лежащему на спине мужчине. Небольшая рана на груди, но из нее темно-рубиновая кровь буквально хлестала. «Перебита грудная вена, – отметила машинально, – если бы артерия, уже бы скончался от потери крови, а так убийцы обеспечили ему пару минут агонии». Умирающего проткнули то ли кинжалом, то ли стилетом, а может, и обычным ножом – не суть важно, главное, что сейчас мужчина истекал кровью, и спасти его я уже не могла.

– Ближе, – вырвалось из посиневших губ.

Я подошла и присела рядом. В полутьме его лицо уже казалось бледной маской. На белом батисте рубашки алело пятно. Для меня полной неожиданностью стала цепкая хватка, которой умирающий схватился за мою руку.

– Возьми и отомсти за меня, – с этими словами мое запястье прожгла нестерпимая боль. Именно что прожгла, словно ее сжимали раскаленные добела тиски.

В спину прилетел запоздалый крик Фиры: «Стой!», но было уже поздно, я начала оседать, теряя сознание от боли.

Очнулась от того, что таракашка суетливо перебирал лапками по лицу. Похоже, в этом мире такое пробуждение для меня становится традиционным.

– Уф, очнулась! – В голосе членистоногого звучало облегчение. Затем без перехода он протараторил: – Кто тебя просил к архимагу в момент смерти лезть? Зачем его силу взяла? Она же тебя просто разорвать могла, о чем ты думала?

– Ни о чем. – Я начала подниматься, осматривая коридор. В принципе ничего не изменилось, кроме того, что вместо умирающего на полу лежал свеженький клиент морга. – А этого архимага я вообще первый раз вижу.

Таракашка суетливо описал круг около меня с трупом, залез ему на грудь, сунул морду в пятно с кровью, еще и усами в нем пошевелил. И все это не переставая болтать.

– Хорошо, что ты быстро очнулась. Надо отсюда уходить, и чем скорее, тем лучше, так что... – Тут усатый дуэнья, пробежав прямо по трупам, ринулся ко мне и в мгновение ока вскарабкался по платью на плечо. В прическу Фир соваться не рискнул. То ли ему было так удобнее, то ли боялся, что опять оттуда может упасть.

Я неслась по коридору привидением, безмолвным и тихим. Юбки, которые подобрала как можно выше, чтобы не мешали бегу, даже не шуршали, проникнувшись важностью момента. Мозг лихорадочно думал, как же выкрутиться, а самое главное, как найти «папеньку» и улизнуть из дворца. Уже начал формироваться план: запустить Фиру в зал, чтобы он незаметно нашел Глиберуса и сообщил ему о моем местонахождении, потом... Потом не получилось, потому как на очередном повороте меня бесцеремонно схватили за многострадальную руку и рывком притянули к себе.

– Вот где моя ненаглядная женушка.

Я успела лишь подумать о деде, который Капец, причем полный.

Новоявленный супруг тащил меня по коридорам, нимало не заботясь о том, успеваю ли я элементарно перебирать ногами. Его хромота, почти незаметная при столь стремительном передвижении, ничуть не мешала дракону. И все это не произнося ни слова. Единственное, на что он расщедрился, так это фраза:

– Если еще раз попробуете от меня сбежать – вам не поздоровится.

Угроза, усиленная эффектом недавно пережитого, произвела впечатление, и я даже не сопротивлялась. В мозгу лишь засела мысль: «А что, если этот Арий – один из убийц архимага?» Таракан, успевший спрятаться при появлении новоявленного муженька в мою слегка растрепавшуюся прическу, сидел тише воды, ниже травы.

Наконец мы вернулись в тот злополучный янтарный зал. Столы, которые до моего исчезновения ломались яствами, сейчас больше напоминали бородинское поле после сражения: пустые тарелки и подносы, пунш, сиротливой лужей прикрывающий дно широкой чаши, веселые гости. Я уже грешным делом подумала, что мы останемся здесь, но мой супруг был иного мнения на сей счет и потянул меня дальше, в тронный зал. Как оказалось, и в нем было достаточно народу. Вот только очень уж мне не понравилась группа, что была по центру. Драконы. И каждый под руку с молодой супругой. У всех молодоженов лица были далеко не радостные. Оно и понятно, если выходишь замуж не по любви, а по указке, да еще и непонятно за кого – отсутствие радостной эйфории закономерный итог. И если девицы в силу природной склонности и воспитания мирились с таким положением вещей, то драконы... У некоторых из них аршинными буквами на лбу было высечено все, что они думают об этих браках. Но именно что думают, но не говорят. Арий был мрачен и молчалив. А в моей голове невольно возник еще один вопрос (их уже набрался целый список, и все без ответов): «А почему со стороны драконов только мужчины, а с нашей – девушки? Надо будет хоть Фира расспросить». Таракан, словно почуявший, что я о нем думаю, подал признаки жизни, начав копошиться в прическе. Похоже, что ему удалась визуальная рекогносцировка, ибо у самого уха я услышала:

– Сбежать не удалось... жаль. Сейчас они попрощаются с королем и пойдут к залу телепортаций.

– Вот черт! – вырвалось у меня.

– Вы что-то сказали? – это уже Арий проявил внимание.

– Нет, ничего. – Я усиленно захлопала ресничками, словно пыталась взлететь. Знаю, что выглядела при этом дура-дурицей, зато к таким меньше вопросов. Главное, потом не забыть выйти из созданного образа.

Меж тем вереница из оживших посланцев потянулась к трону: прощаться с Нериусом Седьмым, не иначе. Поклоны и реверансы, сдержанные кивки правителя, и пары устремляются к выходу из зала. Тут не сбежишь, да и попытка упасть в обморок, полагаю, успеха не возымеет. Дракону ничего не стоит, поудобнее перехватив меня, бесчувственную, доволочь до трона, «поклонить» и отбуксировать в зал телепортаций. Судя по его решительному профилю, выкини я финт в стиле «мне дурно», именно так все и будет.

Даже таракан, подтверждая мои мысли, тихо произнес:

– Даже не думай дергаться – бесполезно. Будем думать, как выкручиваться, по обстоятельствам, а пока просто изобрази приличную девушку.

«Почему именно «изобрази»? А сама я, значит, не приличная?» – так и захотелось

ответить таракану, но поздно. Мы добрались уже до трона. Присела в реверанс (на этот раз он получился гораздо лучше – вот что значит практика), а затем, после одобрительного королевского кивка, выпрямилась. Вот и вся аудиенция. Засим, по примеру других «счастливых» молодых жен, положив руку супругу на согнутый локоть, я поплыла к выходу.

Стоя в зале телепортаций, покидала дворец, утешая себя лишь одной мыслью: «Несмотря ни на что, я жива – а это главное».

* * *

То ли Арий был галантным драконом, то ли просто опасался, что я дам задний ход, если он пройдет через рамку телепортации первым, но, так или иначе, его короткое: «Прошу» проигнорировать было сложно. Я зажмурилась, как перед прыжком, и сделала шаг в неизведанное. В этот раз не жгло, лишь приятно щекотало, что не могло не радовать.

Комната, где я оказалась после перемещения, была небольшой, сумрачной и типично холостяцкой. Не знаю уж, как выглядят покои английской знати, но здесь присутствовали небрежно брошенный на выгнутую спинку стула камзол, бумаги, в беспорядке лежащие на секретере, портрет миловидной юной особы, стоящий на столе. Ни ваз с цветами, ни вычурной лепнины и витиеватых канделябров, да даже кружевных салфеток – ничего, что бы говорило о женской руке. Простота и аскетизм – вот наиболее точные эпитеты для этой комнаты. Я, погруженная в созерцание комнаты, замешкалась, и в спину мне буквально влетел новоявленный супруг. Я бы упала, не подхвати он меня за плечи.

– Вас никто не учил, что, как только вы пройдете через рамку телепортации, следует отойти в сторону?

– Нет, – на автомате выдала я.

– Не знал, что в Татрии девушкам не объясняют даже элементарных вещей, – устало произнес он и добавил: – Пойдемте.

Но прежде чем покинуть комнату, Арий щелкнул пальцами, и телепорт свернулся. Свет закрутился в нем подобно воронке водоворота, образовавшейся по центру рамы, и начал истаивать по краям. «Словно кудели пряжа» – влезло в голову невесть откуда взявшееся сравнение. Воронка, собрав в себя весь свет, просто-напросто исчезла небольшой вспышкой. Вот и все. Даже призрачного пути назад нет.

Муженек меж тем, стоя на пороге, кашлянул, напоминая, что следует поторопиться. Что же, не нужно злить новоявленного супружника почем зря, и я посеменила к выходу, ощущая себя копной сена, в которой копошился мышинный выводок. Юбки немилосердно шуршали, а поднять подол я боялась, памятуя о комментарии «папеньки».

Мы шли по коридорам, темным и неприветливым. Когда мои глаза смогли привыкнуть к сумраку, я стала украдкой осматривать убранство, к слову, небогатое: гобелены, побитые в неравном бою молью, вазы с таким слоем пыли, что там вполне можно высаживать рассаду. Похоже, здесь правило бал запустение.

Мой провожатый шел не оглядываясь, в полной уверенности, что я безропотно следую за ним. Подумалось: «Не буду его разочаровывать, поиграю пока в приличную девушку, глупую и милую». Хотя с «милой», как показало время, – погорячилась.

Тут же некстати вспомнилось, что мы как-никак молодые супруги, а на дворе – вечер, который, судя по закатному солнцу, увиденному из окна покинутой комнаты, вступает в свои

права. Небо раскрашивалось во все цвета от лазури до индиго. Следовательно, скоро наступит и ночь, та самая, первая брачная. Сразу стало как-то нехорошо. Вспомнился Лихославский и полет из окна.

Опыт прерывания настойчивых постельных намеков и действий, таким образом, вроде как имелся, но повторять его желания не было. Наверяд ли найдется еще один сумасшедший алхимик, который решит спасти мне жизнь. А посему сделала мысленную пометку: «Держаться от всяческих окон и витражей подальше».

Голова начала соображать, как избежать выплаты по супружескому долгу. Два классических варианта: слезы вместе с мольбами или поведение в стиле «совсем блондинка», когда тычешь пальчиком в твердое мужское достоинство, невинно вопрошая: «Ой, какой смешной, а он что, еще и шевелится?» Остановилась на втором, потому как, подозреваю, к слезам этот гордый тип морально приготовился, а вот к глупости – скорее всего нет. Она, бестолковость, как сосед с перфоратором утром в выходной, – всегда неожиданная.

Пока я размышляла, мы добрались до гостиной. Здесь было больше света и меньше запустения, что было заслугой дородной женщины в белом чепце и фартуке. Служанка протирала пыль, наводя порядок, при нашем появлении она повернулась и сделала книксен.

– Простите, господин, мы не думали, что вы вернетесь столь рано...

Дракон устало махнул рукой, разрешая женщине выпрямиться.

– Ничего, Алоизия, распорядись, чтобы подготовили спальню. Сегодня был тяжелый день.

«А ночь будет еще тяжелее», – мысленно завершила его короткую речь. Не знаю, как Арий, но я без боя сдаваться не планировала. Дракон между тем продолжал давать распоряжения:

– Пусть принесут что-нибудь поесть, и да, завтра к утру все должно быть готово. С рассветом я уезжаю.

Служанка, поклонившись, отправилась выполнять приказание господина, и мы с Арием остались вдвоем. Потекли томительные минуты ожидания. Хозяин, повернувшись ко мне боком, созерцал пламя камина. Я же стояла посреди комнаты, не решаясь присесть в кресло. За время нашего молчания родился, наверное, не один гаишник, а целая рота. Первым нарушил тишину дракон.

– Я думаю, нам надо объясниться, чтобы вы, юная леди, уяснили границы дозволенного.

Мне оставалось лишь кивнуть на такое заявление. Что же, послушаем, но сделаем, как в поговорке, все наоборот.

– Понимаю, что в браке нашем нет ничего, кроме политики, а юным особам свойственен романтический склад натуры, но я прошу не совершать необдуманных поступков. Помните о своем долге перед государством, перед вашим отцом, о сути своего женского предназначения, – чувствовалось, что Арий тщательно подбирает слова.

Я, противореча первоначальному плану, не выдержала – к политесам была не приучена, да и «дрессировки этикетом» в подкорочке не имелось.

– Говорите прямо, к чему лишние витиеватости, и давайте перейдем на «ты» без брудершафта, мы как-никак супруги, – на этих словах я усмехнулась.

– Хм, в вас есть и достоинства: всегда ценил прямоту. Возможно, мы и сумеем найти общий язык. – Арий повернулся ко мне лицом.

В мозгу пронеслось: «И что мне стоило промолчать? Язык мой – друг мой, но только

когда он за зубами».

– Если вы... – тут дракон сделал паузу, словно переступая через что-то, – ты хочешь голой правды, то она такова: мне навязали этот брак в наказание. Я впал в немилость владыки. Такое порою случается, если отказываешься следовать глупому приказу, исполнение которого унесет сотню жизней твоих подчиненных. У драконов есть одна особенность: наследника мужского пола можно зачать лишь от любимой, твоей единственной истинной пары, в противном случае провидение может расщедриться лишь на девочку. И то если повезет. Поэтому наследника я от, – он вновь замялся, но тут же выправился: – тебя требовать не вправе. Но если подарить мне хотя бы дочь – считай, что ты свободна. Свободна в выборе любовника, но так, чтобы в свете об этом ничего не знали. И я тоже не знал. Желательно. В остальном же ты будешь полностью обеспечена. Мое состояние позволит тебе вести тот образ жизни, к которому ты привыкла при дворе Нериуса Седьмого: платья, украшения, балы. Но учти, развлекаться ты можешь, не переходя границ дозволенного.

Он замолчал. Я тоже обдумывала услышанное.

– И да, последнее. Я не позволю навлечь позор на свое имя. Так что сбежать не пытайтесь. К тебе будет приставлен соглядатай.

«Не было печали, насосом накачали», – констатировала я. Конечно, по-человечески я Ария понимала. И то, что со своей стороны он предлагал, было бы вполне приемлемо для дочери алхимика, но, увы, я ею не была. Да еще мой старомодный принцип, что в постель нужно ложиться если не по любви, то хотя бы по обоюдному желанию. Вот последнего-то не было ни капли. Как и становиться детородной машиной, пусть и создающей лишь единичный экземпляр продукции.

В дверь негромко постучали, и после утвердительного «да» дракона в комнату вошла уже знакомая Алоизия с подносом. Закуски, вино, фрукты, аппетитный запах свежеспеченной сдобы и корицы. Вспомнила, что последний раз мой желудок был осчастливлен едой лишь утром. Да и то кофе с кубиком шоколада за полноценный завтрак не считается. Живот, помимо воли хозяйки, выдал заунывную руладу. Стало жутко неудобно.

– А могла хотя бы перекусить в янтарном зале вместо того, чтобы убегать, – прокомментировал Арий.

Да уж, может, в душе он и благородный, но на практике... джентльмен бы промолчал, глупец бы попросту не обратил внимания на мою «голодную серенаду».

Рядом с камином стояли два кресла из мореного дуба, основательные, лишённые помпезности ампира и вычурности барокко. Простые, надежные, но не лишённые своеобразного изящества и красоты. А меж ними – столик, на который Алоизия и поставила поднос.

– Спальни готовы, князь, – служанка выпрямилась в ожидании дальнейших приказаний.

– Хорошо, вы свободны.

Женщина с достоинством поклонилась и бесшумно удалилась.

– Можешь присаживаться. – Широкий жест рукой на одно из кресел.

– Благодарю. – О том, как подобает вести себя в подобной ситуации, жизненный опыт молчал. Таракан, засевший в голове, впрочем, тоже.

Арий взял в руки бутылку и разлил вино по бокалам.

– Надеюсь, мы сумеем найти компромисс в нашем браке, – тост, граничащий с хамством, но как нельзя лучше отражающий реалии.

Звон бокалов. Я пригубила вино, оказавшееся неожиданно тягучим, со знойным и терпким букетом и приятным цветочным послевкусием. Такого пробовать никогда не доводилось.

– Итак, о себя я рассказал, поведай и ты что-нибудь.

– Что именно? – Это была самая опасная тема, но свернуть с нее сейчас – значит вызвать подозрения.

– Не знаю... о твоих подругах, увлечениях, воспоминаниях...

Я оценила тактику: умеренный интерес (ага, игра в заботливого мужа), за которым, как за чахлым частоколом, скрыт танк. В роли Т-34 – классическое изучение сильных и слабых сторон противника, в моем случае «чего от этой девки ждать». То, что я умудрилась сбежать во время приема, у большинства мужчин должно было вылиться не в такую вот светскую беседу, а в «разбор полетов» словесный или не только оный, это уже вопрос воспитания. Хотя, может, здесь менталитет другой.

– Говори обобщенно, лучше опиши подругу какую-нибудь, их он навряд ли знает, а вот увлечения у тебя с Кесс наверняка различаются. Она, например, обожает вышивать... – К муженьку я сидела боком, поэтому таракан, свесившись с одного из локонов прически, шептал мне в ухо с противоположной от дракона стороны.

«О подругах так о подругах», – решила я про себя, взяв за прообраз всю нашу группу с химфака. Описания двадцати трех девушек за раз этот Арий наверняка не запомнит. И понеслась душа в рай. Единственное, меняла наши русские (в большинстве своем) имена. Так Тамарка Кузнецова стала Тамерией, Регинка Скорлупкина – Регинурелизой. Внешний портрет, привычки (вплоть до манеры постукивать ногтями по столешнице) я описывала с тщательностью бабки-пенсионерки, которую опрашивал следователь. На седьмой барышне Арий сдался, а я поймала себя на мысли, что еще немного, и сама бы выдохлась.

– Я понял, что подруг у тебя было много. Надеюсь, и здесь ты сможешь завести знакомства подобного рода.

– Всенепременно, – вовремя вспомнила я словечко из лексикона дворян девятнадцатого века. Хоть в чем-то пригодились знания, полученные на уроках литературы.

Арий же продолжил допрос, замаскированный под супружеский интерес:

– И все же, чем ты увлекаешься?

«Вот ведь настырный, – подумалось на новую его реплику. – Но это все же лучше, чем брачные скачки по пуховой лужайке».

– Вышивка, музицирование, прогулки, – тихо подсказывал таракан.

Из всего названного я без проблем могла лишь гулять. Помню, как-то пробовала вышить белочку. Результат моих усилий с иглой и мулине на канве мог бы назвать «белочкой» лишь абсолютно слепой. Хотя, может, именно такая и приходит по утрам с похмелья. Играть же я умела только на нервах, да и то не профессионально, а по-дилетантски, когда сильно доведут.

– Люблю гулять. Особенно когда погода этому сопутствует.

Сказала и поняла, что, увлекшись витиеватым построением речи, ляпнула (транскрипция: «да шляюсь я и в дождь, и в снег, и в бурю»). Хотя прогулки я и вправду уважала.

– Не хотел бы показаться навязчивым, задавая вопросы, но я хочу хоть что-нибудь узнать о тебе, прежде чем мы поднимемся разделить супружеское ложе. Признаюсь, что не привык ложиться в постель, зная лишь имя. Тем более, ты мать моей будущей дочери.

«Тонко», – оценила я: не настраивать ту, что будет носить под сердцем твою наследницу, с первых мгновений против себя. Еще раз окинула моего супруга внимательным взглядом.

Длинные волосы, заплетенные в косу, широкие плечи, высокий лоб, упрямый подбородок. Типаж мужчины, который не привык прогибаться. Таким бывает в жизни тяжело.

– А есть ли у вас способности к магии? – Арий все же гнул свою линию.

– Что вы, природа меня ими не одарила. – Я скромно потупила взор, умолчав, что не далее чем два часа назад эту самую возможность, судя по воплям таракашки, приобрела.

Мне показалось, что дракон, посмотрев зачем-то на перстень, вздохнул с облегчением. Похоже, таракашка как-то углядел этот жест, ибо на ухо мне зашипел, комментируя:

– Вот ведь, ящерица хвостатая, без амулета правды никуда. Смотри, будь осторожна. При откровенной лжи камень в перстне поменяет цвет.

«Хорошо, что про одноклассниц я не врала, просто чуть недоговаривала», – пронеслось у меня в голове.

Тем временем Арий поднялся, протягивая мне руку. Фир ужом юркнул в недра прически. Судя по всему, наступал час икс.

В спальню я входила, чувствуя себя Штирлицем, которого знаменитый Мюллер – Леонид Броневой – просит остаться. Пройдя вперед, оказалась в центре комнаты, перед огромной кроватью, балдахин которой был откинут. Арий, еще мгновение назад закрывавший дверь, вдруг очутился за моей спиной.

– Не бойся, я постараюсь быть аккуратным, чтобы тебе было не так больно... – прошептал он мне на ухо.

Полумрак комнаты, разбиваемый лишь пламенем пары свечей и сиянием луны, стоящей в зените.

Дракон осторожно опустил голову мне на плечо и глубоко вздохнул. Я ощутила тяжесть этого мужчины, крупную голову на своем плече, его нежные поцелуи в шею, когда губы едва касаются кожи, дыхание, от которого все словно замирает внутри. Руки мужчины начали неспешно исследовать мою талию, поднимаясь выше, туда, где край корсета, сжимавшего грудь, граничил с кожей.

Вторая рука дракона ловко справлялась с крючками платья и шнуровкой корсета. Когда бархат поверженным рыцарем упал к ногам, я почувствовала спиной его грудь. Арий, притянув меня рукой за талию, прижал еще теснее, а потом развернул лицом к себе. Его рука ласкала мое лицо, моя грудь коснулась его, и я почувствовала, как быстро под тонким батистом рубашки стучит сердце дракона.

Он подхватил меня и понес к постели. Сильные руки, плечи, все словно в паутине белесых ниточек шрамов. Я почувствовала себя пленницей, которую отпускают на свободу, когда Арий положил меня на простынь. Сам мужчина в мгновение ока стянул с себя рубашку и бриджи. Еще миг – и он остался в костюме Адама.

Когда он лег рядом, я почувствовала, как жар разливается по комнате, проникая в щели паркета, под кровать, пропитывает ткань балдахина и портьер, как он обжигает легкие при каждом вдохе. Арий притянул меня к себе, и мы оказались еще ближе. Безликий лунный свет запутался в резном изножии кровати, как и мои мысли в голове. Единственное, что я отчетливо понимала: первоначальный план летит к чертям.

Арий, убрав руку, повернулся на бок и приподнялся на левом локте. Его правая ладонь застыла на моем бедре, а потом поднялась выше, скользнув по животу и груди, и наконец,

добравшись до моего левого плеча, слегка надавила. Он приподнялся, нависая надо мной, опираясь руками, чтобы не раздавить. А потом, сжимая коленями мои колени, стал опускаться всей своей тяжестью, медленно, словно давая привыкнуть.

Я задрожала, но отнюдь не от возбуждения. Перед глазами стоял Лихославский, который еще сегодня утром выдыхал мне в лицо слова: «Хотели, еще как хотели...» Голос аспиранта стучал в ушах набатом. Меня начало трясти. Истерика, копившаяся все это время, нашла выход. Уже срываясь в банальные слезы, я поняла: побыть в спальне смешливой дурочкой, как первоначально задумала, мне не удастся.

Арий, почувствовав, что со мной что-то не так, зашептал:

– Не бойся, то, что мы делаем, – естественно для супругов.

Но, видя, как меня колотит, он откатился в сторону, ругаясь сквозь зубы.

Затем сел, повернувшись ко мне неестественно прямой спиной, и замолчал. Ждал, пока моя истерика пойдет на спад. После того, как всхлипы стали реже, он, не поворачиваясь, произнес:

– Я никогда не был насильником и презирал тех мужчин, которые берут женщин против их воли, но, зияющая бездна небес, наш брак должен быть консумирован! – Под конец своей короткой речи Арий все же повернулся.

В ответ на его слова я лишь натянула одеяло до самого подбородка.

Наверное, что-то было написано на моем лице, раз дракон, плюнув на все, подошел к куче своей одежды, небрежно брошенной на козетку, и начал спешно одеваться.

– Так не могу, подонком последним себя чувствую, – проговорил он себе под нос, не рассчитывая, что я услышу.

Когда за мужчиной закрылась дверь, некоторое время лежала без движения, а потом расхохоталась. Смехом, что присущ лишь тем, кто балансирует на грани безумия. Это была истерика, от которой помогает только пощечина.

Фира, вылезшего из прически и вольготно расположившегося по центру кровати, заметила лишь тогда, когда сил уже ни на что не осталось.

– Теперь с тобой все в порядке?

– Не то чтобы, но более-менее.

– А я-то уж не надеялся, что он уйдет, не выполнив до конца своего долга. Приготовился, так сказать, участвовать в коллективных постельных утехах, – циничный тон таракашки привел в чувство лучше нашатыря.

За дверью слышались шаги. Осторожные, но все же различимые в тишине.

– Быстро накройся одеялом и сделай вид, что спишь. – Приказной тон таракашки вкупе с его быстрым исчезновением в недрах кровати заставили и меня поторапливаться.

Я накинула одеяло, принимая максимально естественную позу, и, прикрыв глаза, задышала ровно и неглубоко. Увы, мне было далеко до светских львиц, что виртуозно умеют смотреть через опущенные ресницы, подмечая все и вся.

Дверь комнаты приоткрылась, и в проеме показалась белая макушка. Спустя пару мгновений Арий неслышно вошел в комнату. Он постоял на пороге несколько минут, глядя на меня, изображающую глубокий сон, а потом так же бесшумно вышел.

Я лежала, уставившись в потолок, и думала о том, что сегодня со мной приключилось. Перспективы были, мягко говоря, никакие.

Вдруг звук, раздавшийся за окном и напомнивший хлопок ветра, что встретился с натянутой парусиной, заставил меня вздрогнуть. Он повторился еще и еще раз, но тише,

словно источник его удалялся. Я сползла с кровати, на цыпочках подошла к окну и осторожно выглянула, спрятавшись за тяжелую ткань портьеры. Зрелище, открывшееся мне, пугало и завораживало одновременно.

Дракон парил в небе, облака которого еще были окрашены в оттенки индиго. Его льдисто-белая чешуя горела всполохами красного – это первые лучи рассветного солнца, еще не показавшегося из-за горизонта, танцевали на природной броне сына неба. Он рассекал высь, то ловя крыльями воздушные потоки, то с усилием взмывая вверх, то в стремительном пике обрушиваясь вниз, выходя из штопора лишь у самой поверхности, когда еще немного – и разобьешься. Я смотрела на этот танец двух стихий: стихии неба и стихии духа, и он меня заморозил. Ноги давно не чувствовали обжигающего холода паркета, усталость последних суток куда-то исчезала...

Солнце медленно начинало свое движение, показав край белесо-желтого диска из-за горизонта. Его лучи осветили и далекие пики гор, украшенных шапками ледников и юбками зелени у подножий, и поверхность плато, по центру которого возвышалась... Крепость, город – это все мерки людей, чьи дома стоят кучно, притираются друг к другу боками. Здесь же величественные замковые шпили, словно стремящиеся проткнуть купол неба, перемежались со строениями пониже, образуя причудливую вязь кружева.

Очарование момента нарушил комментарий Фира:

– И не подозревал, что драконы такие любители белого камня, всегда думал, что их столица, Актыр, сера и неприветлива. А поди ж ты, словно молочная пенка...

– А мне нравится, – не знаю почему, вступилась за город, увиденный впервые.

Пока отвлекалась на беседу с таракашкой, Арий (я была уверена, что это именно он, расправив крылья, улетел на восход) исчез.

– Жаль, что красота бывает лишь мигом. – Я еще раз глянула в окно, где утро уже вступало в свои права, закрывая туманом ущелья и склоны.

– Давай, созерцательница, поспи немного, а я пока покараулю, – Фир была сама деловитость. – Нас ждет тяжелый день, стоит хотя бы немного набраться сил.

Совет был разумным, и я легла в постель. На этот раз действительно чтобы уснуть. Морфей, похоже, подрабатывал кузнецом на полставки, ибо оглушил меня мгновенно, едва только голова коснулась подушки.

День второй

14.02.2016 по римскому календарю

17 травня 9785 года по веремскому летоисчислению

Мне снился сон, нереальный и в то же время настолько яркий и правдивый, каким может быть только он. Я летела, сидя на спине дракона, а подо мной проплывал лес, стыдливо прикрывший подножия гор. Невысокие сосны вгрызались корнями в каменную породу в неистребимом желании жить. Луч закатного солнца играл в изгибе русла реки, отражаясь ярким бликом, а у основания водораздельного хребта, выбеленного ледником, как старец сединой, пробуждалась ночь. На мягких лапах она вошла в долину, приглушив краски и расправив покрывала теней. Но здесь, на высоте, еще все властвовало багряное светило. Я купалась в его лучах, обнимая белую шею дракона.

В этот странный сон голос Фира пробивался с настойчивостью соседа снизу, которого заливают.

– Просыпайся, вставай давай. – От ворчливого голоса таракашки не спасали даже подушки, которыми я малодушно заткнула уши.

– Еще чуть-чуть, – машинально пробурчала я, – и встану.

– Никаких чуть-чуть, – членистоногий деспот был неумолим. – Думаешь, раз вчера обошлось, так и дальше будет. Надо попытаться улизнуть, пока слуги в доме не проснулись, или хотя бы разведать обстановку.

Таракашка аж приплясывал от нетерпения.

Резон в его словах был, вот только в чем идти в разведку? Извечный женский вопрос «что надеть?» оказался для меня сейчас как нельзя актуален. Окинув взглядом кучу вещей, еще вчера составлявших мое парадное облачение, а ныне валяющихся грудой тряпья – словно курган павшему прошлому, – я категорически отмела этот вариант. Бархат и корсет для камуфляжа мало пригодны.

Пеньюар и ночная сорочка, заботливо оставленные служанкой на пуфике у кровати, подошли для этой роли куда лучше. Одевшись, я зябко переступила с ноги на ногу. Пол был ледяной.

– Иди так, шерстяных носков для комфорта тебе тут не оставили, – прокомментировал Фир, меж тем ловко взбираясь мне на плечо и ныряя за ворот пеньюара.

Я поежилась: никогда не имела привычки таскать даже кошек на руках, в принципе не питая особой любви к животным, не говоря уже о здоровушем таракане на теле.

– Ну, пошли, – командирским тоном распорядился таракашка.

Я осторожно приоткрыла дверь, боясь, что петли оной, как настоящие саботажники, могут выдать меня скрипом. По коридору старалась идти как можно тише, вжимаясь в стену при каждом шорохе, но чем ближе подходила к его концу, тем отчетливее слышала голоса. Мужские. Говорили двое.

– Портал для переброски на границу откроется совсем скоро. Мериус, ты неважно выглядишь, дружище, – этот голос я узнала. Он принадлежал Арию.

– Не хуже тебя. Что, тоже ночка была не ахти?

– Не то слово. Последним подонком себя почувствовал.

– Слезы? – понимающе уточнил Мериус.

– Лучше бы слезы, – протянул мой супруг.

Похоже, мужчины занимались тем, в чем обвиняют всех дочерей Евы: бессовестно сплетничали, причем о брачной ночи. Делились впечатлениями, чтоб их обоих.

– А мою женушку, похоже, с детства заставляли штудировать «Пособие для настоящей леди».

Судя по затянувшейся паузе, Арий намека не понял. Мериусу пришлось пояснить:

– В смысле «леди не движется». Хорошо, хоть признаки жизни подавала: дышала через раз. А то бы я себя вообще почувствовал плотником, пытающимся продолбить в чурбаке долотом желоб. И еще после всего эта Инита голосом, которым пастырь псалмы читает, заявила: «Надеюсь, у вас с первого раза получится зачать наследника и вы меня больше не потревожите»...

Говоривший разгорячился на последней фразе настолько, что мне показалось – еще немного, и я услышу свисток закипающего чайника.

Спустя какое-то время, которое беседовавшие провели в молчании (я, конечно, даже «признаков жизни» не подавала, сидя в засаде и затаив дыхание), Мериус остыл и продолжил:

– И все же, как прошло?

– Да никак. Я понял, что лучше вообще к ней подходить не буду, чем видеть в глазах жены животный ужас и чувствовать себя последним насильником от этого. Сколько там люди живут? Лет пятьдесят – шестьдесят, если не обладают хоть искрой магии? А у нее способностей нет, спрашивал. Мой век раз в шесть длиннее, успею найти себе пару. Надеюсь, удастся еще сплести хвосты в полете.

Я опасливо выглянула из-за угла.

– Длиннее-то длиннее, – поучительно начал собеседник, – да только не забывай, что пятнадцать десятков из отпущенного ты уже разменял. И не в обиду, но напомним: в отличие от обычного дракона тебе будет гораздо тяжелее определить, кто является твоей истинной парой.

Мериус перевел дыхание, словно набираясь сил.

– Да, и еще захочет ли драконица, которую уготовит судьба, подарить тебе, к тому времени далеко не молодому, наследника? Может, все же попытаешься зачать девочку с этой твоей... женой, – последнее слово говоривший протянул с оттенком пренебрежения.

Его тон и манера, с какой этот Мериус отзывался о человеческих девушках, заставили меня заочно проникнуться к нему антипатией. Я мысленно сделала себе зарубку: сведет судьба, обязательно подстрою этому чванливому типу пакость. Пусть это по-детски, совсем как у старухи Шапокляк, но мнение этой озорной бабульки я разделяла: «Порою радость сделать людям гадость». Иные этого заслуживают.

Меж тем Арий, поднявшись из кресла, произнес:

– Кажется, пора. Ночь уже давно отошла, к тому же утро нынче балует нас погодой. Думаю, портал уже настроен.

– Как скажешь, командор, – легковесный тон гостя свидетельствовал, что в этом шуточном обращении лишь доля шутки.

Мужчины направились вон из комнаты, а я лихорадочно соображала: куда же можно спрятаться. В высокую вазу с непомерно узким горлышком могла пролезть разве что змея. Не подходил на роль редута и гобелен, побитый молью, как француз Кутузовым под Бородино. Увы, я была не плоскатином, как лист бумаги, а имела определенный объем, поэтому и

незаметно расположиться между кладкой стены и тканым творением незаметно не смогла бы.

Лихорадочно начала дергать двери, в надежде, что хотя бы одна из них открыта.

Удача – дама с весьма специфическим чувством юмора – на этот раз расщедрилась на кривую улыбку: одна из дверей поддалась моему энтузиазму. Я влетела в комнату. Все бы ничего, но это оказалась спальня, и кровать в ней еще была не заправлена. Судя по всему, хозяин недавно покинул ложе, на котором морфей любит назначать аудиенции.

Шаги стремительно приближались, и я, подобно опытному любовнику, не мешкая, нырнула под кровать. Успела.

Дверь открылась, и перед моим взором оказались две пары ног.

– Сейчас, я только захвачу еще два амулета. – Арий, чуть прихрамывая, исчез из зоны видимости.

Уже знакомый голос Мериуса (сдается мне, что скоро его я буду идентифицировать даже с закрытыми глазами, если только этот дракон соизволит открыть рот) тем временем продолжил:

– Хотел тебя спросить: мы тут, считай, на месяц покидаем дом, ты оставил кого-нибудь приглядывать за женошкой?

– Да, и даже ее предупредил об этом.

– Это ты зря... – протянул дракон, к которому у меня уже начал накапливаться целый список «сюрпризов». – Я не предупреждал. А кого, если не секрет?

– Не секрет. Эриниэля. Он в этом деле лучший...

– Не боишься? Эльф-то смазливый... – протянул Мериус.

– Он в первую очередь профессионал, – парировал Арий.

Его последние слова совпали со звуком выдвигаемого ящика – не иначе, муженек свои амулеты доставал. Ноги, что остались в поле моего зрения, качнулись с носка на пятку, говоря о нетерпении Мериуса.

– Я готов. – А это уже голос Ария.

– Вот и отлично.

Двое мужчин покинули комнату, и я услышала, как в замочной скважине проворачивается ключ.

– Параноик, – прошептала я, выбираясь из своего убежища.

Фир, крутившийся под ногами, описал вокруг меня круг и выдал, не иначе как из мужской солидарности:

– Не параноик, а предусмотрительный. Я бы тоже запер спальню с личными вещами от малознакомой девицы, уезжая надолго.

Услужливое воображение тут же нарисовало картинку: таракашка с миниатюрным чемоданом в верхних лапах средними старательно запечатывает вход в нору, а рядом самка майского жука рыдает навзрыд, причитая: «Как же мне теперь в дом-то попасть...» Я даже помотала головой, прогоняя видение.

– С наклонностями этого Ария можно разобраться и попозже. Скажи мне, дорогой Фир, другое: как выбирать будем?

Членистоногий приуныл, даже усы его печально обвисли. Но, похоже, долго печалиться было не в тараканьей натуре, поскольку спустя пару мгновений он выдал:

– Ты же прическу еще не расплетала, попробуй шпилькой в скважине пошерудить.

С сомнением взглянула на советчика, но промолчала. Мне иногда и нормальным-то

ключом дверь бывает тяжело открыть, да и таблетка домофона не всегда срабатывает, а тут – шпилькой.

Меж тем неугомонный усатый продолжал вещать в духе футбольного комментатора, то ли подбадривая, то ли окончательно убивая всякую надежду:

– Но нам нужно торопиться. Если успеем до того, как портал деактивируется, то сможем воспользоваться его энергией, чтобы сбежать.

Делать нечего. Запустила руки в прическу. Сколько же мне туда всего напихали? Шпильки, удерживающие шиньон, невидимки, ленты... даже пару пожухлых бутонов выудила из хитросплетений локонов. М-да, не голова, а прямо-таки тараканий рай, только крошек не хватает для полного комплекта.

Выудила из всего этого набора пару шпилек и, вооружившись ими, пошла на приступ даже с виду бесперспективного для воров запора. Уж больно он выглядел солидным и основательным.

Таракашка, уже привычно взобравшись на плечо, наблюдал, как я с опаской прильнула к замочной скважине.

– Давай-давай. Я слышал, что чем больше замок, тем легче его вскрыть.

Ободренная этим заявлением, я всунула шпильку в скважину.

Того, что произошло дальше, не ожидали ни я, ни Фир. Нас отбросило от двери на добрых два метра, не меньше. Хорошо, хоть оглушительного треска или фейерверка не последовало. Я схватилась руками за голову, словно пытаюсь поймать мысли, которые, по ощущениям, готовы были покинуть мозг неразумной хозяйки даже через уши.

– Чем больше, тем легче, говоришь, – зловеще протянула я, глядя на таракашку.

Фир что-то почувствовал, ибо шустро отбежал от меня подальше, для надежности еще забравшись под секретер. Оттуда и донесся его взволнованный голос:

– Так я же говорил, что только слышал. Знания теоретические, практикой не подкрепленные были, так сказать...

И вот как на него после этого злиться? Я плюнула и спросила уже о другом:

– Тогда еще раз повторяю: есть мысли по поводу того, как покинуть эту обитель? Или предлагаешь подождать хозяина апартаментов с месяцок?

А что, скелет (ну хорошо, за это время мягкие ткани разложиться до конца не успеют, но помечтать-то можно) жены возлежит на супружеском ложе, как символ верности брачным обетам...

Таракашка тем временем уточнил, впрочем, не показывая даже усов из своего убежища:

– А ты высоты не боишься?

Акрофобии я за собой не замечала, поэтому ответила:

– Нет, а что?

– Есть еще один вариант – оконный. – Таракашка все же осмелел и выполз из укрытия.

– Открой створки и посмотри, есть ли парапет или что-то вроде, на худой конец можно импровизированную веревку сделать... – последнее он предложил уже с сомнением.

Я встала на кресло и высунулась в окно. Никаких парапетов не было. Лишь гладкая стена. Далеко внизу серела брусчатка, унылая и однообразная. Но раскрашивать ее алеюшим одиночным пятном как-то не хотелось.

Фир, шустро взобравшись по портъере на подоконник, тоже глянул в окно.

– Выхода нет, придется спускаться так, – констатировал он.

Как «так», пояснять было излишне. Я мысленно попросила прощения у Ария, но он сам

был в чем-то виноват: не стоит сомневаться в честности и порядочности супруги, запирая спальню. О том, что эта самая супруга в данный момент бессовестно за ним шпионит, я предпочла умолчать.

В качестве каната были связанные концами простыни, покрывало и даже обе портьеры, но по прикидкам длины все еще не хватало. Сдув со лба мешающую обзору прядь, я с вожделием уставилась на шкаф. Открыв его дверцы, мы с Фиром пришли к единогласному мнению, что батист и шелк хороши для рубашек, а вот для побега навряд ли сгодятся. Зато камзолы были из весьма прочного сукна, как и панталоны. Они-то и пошли в дело.

В итоге импровизированная веревка получилась длинной и вроде как даже прочной на разрыв: специально подергала узлы – мой вес должны были выдержать. Единственное, вид у этого хенд-мейда был уж очень экзотический. Словно я стянула белье, вывешенное заботливой хозяйкой на просушку, и, чтобы не потерять, связала все пожитки в цепочку. Ну и пусть, за эстетикой не гналась, главное – выбраться отсюда как можно скорее.

Привязав один конец «веревки» за изголовье кровати, другой скинула в окно и залезла на подоконник. Таракашка привычно устроил засаду в волосах. Еще раз глянула вниз, и меня охватил ужас: ведь я все-таки девушка. Вцепившись в откосы, сделала шаг назад, в сторону комнаты.

– Именно этого я и боялся, – сказал членистоногий подстрекатель.

– Пустяки, пустяки, – прошептала я, скорее для самой себя, нежели для Фира. – Я закрою глаза.

Внутри меня поселилось чувство, что счет шел уже на минуты. Я покрепче обхватила руками простыню, обвив ее еще для надежности и ногами, и начала медленно спускаться. Уже на первом метре руки от непривычной работы занемели. Несмотря на тяжесть моего тела, импровизированная веревка качалась в воздухе: на высоте гулял шквалистый ветер, хотя небо было по-весеннему ясным.

Вдруг у самого уха я услышала:

– Тише, я слышу, внизу кто-то идет, – сказал таракашка.

– Нас заметили? – я приоткрыла глаза.

Мы молча замерли, прислушиваясь.

– Нет, – вынес вердикт таракан, – ничего страшного.

– Кто это был?

– Это стражи обходят территорию.

– И каков же их маршрут?

Фир свесился с плеча, балансируя на задних лапах.

– Судя по тому, что я вижу их внизу, – под нами.

– Они нас заметят.

– Нет, не думаю. Конец того, что ты с гордостью назвала «веревкой», висит на уровне второго этажа. А ребятам из стражи, судя по всему, гораздо интереснее то, что плещется на дне их фляжки, которую они поочередно передают друг другу, чем небесная высь.

– Что же это за стража такая, которая с утра пораньше и... – Меня оборвал снисходительный смешок Фира.

– Полагаю, повод есть – хозяин отбыл, хозяйка, уж извини, но здесь ты пока никакая, можно и расслабиться.

Вдруг таракашка оборвал сам себя:

– Тише!

Затаив дыхание, мы неподвижно висели в пятнадцати метрах над землей.

Именно в этот момент под нами, смеясь и разговаривая, проходили солдаты.

Эта минута показалась мне вечностью.

Патруль прошел; шаги и голоса понемногу затихли.

– А теперь давай, шустри, девочка, – скомандовал таракан, и, по ощущениям, сам он начал в моих волосах отплясывать джигу, не иначе.

Я снова начала спускаться. Добравшись до конца «веревки» и не чувствуя дальше опоры под ногами, стала цепляться за узлы, как подводник при подъеме с глубины за мусинги. Правда, в отличие от спецузлов корабельных снастей, мои были на порядок толще. Оно и понятно: и подштанники, и рукава сюртуков не очень предназначены для импровизированных побегов. Наконец, в руках остались лишь панталоны, завершавшие череду междуузлий.

– Прыгай, тут уже невысоко, – прокомментировал таракашка.

Я с трудом расцепила хватку и полетела вниз.

Как мысленно ни готовилась к встрече с каменной твердью, но копчиком все же приложилась: спружинившие ноги не смогли до конца погасить силу инерции от падения. Хорошо хоть зубы, предусмотрительно плотно сжатые, не клацнули и не прикусили самый главный рабочий орган всех сплетниц.

Таракашка, которому приземление не нанесло никакого урона, пробежав по плечу, деловито скомандовал:

– А теперь обратно в дом, надо только поискать черный ход, тот, что для прислуги...

Развить мысль Фиру не дала импровизированная веревка, свалившаяся мне на голову. Она просто-напросто под очередным порывом ветра развязалась. Теперь я была внутри кучи связанного меж собой тряпья.

– Зато и придумывать ничего не надо, – оптимистично заявил таракан, снуя поверх груди, – если встретишь кого из слуг – скажи, что ты новая прачка, принесла постиранное белье господина.

Нет, этого оптимиста даже ядерный взрыв не исправит. Подозреваю, что и после него таракашка будут сиять энтузиазмом, а заодно и бета-излучением. То, что не погибнет, – это однозначно. Еще на химии элементарных частиц запомнилось: после взрыва водородной бомбы от излучения погибают млекопитающие, птицы, рептилии, амфибии, но только не тараканы.

Вот и груда (тяжелая, зараза) тряпья, свалившаяся с неба, Фиру нипочем.

Рука машинально нащупала конец «веревки». Я выудила его из-под завала и озадаченно поднесла к носу. Край портьеры оказался слишком большим, и в прочный союз с простыней вступить не пожелал, разомкнув связь с оной сразу же после моего приземления. В мозгу запоздало пронеслось: «Хорошо, что не раньше».

– Не рефлексируем, время на исходе. – Фир был неумолим.

Я встала, кряхтя как радикулитная бабка, простоявшая у замочной скважины из любопытства и бдительности не менее получаса, и, подхватив веревку, ринулась за членистоногой дуэньей. Усатый шустро перебирал лапками по булыжникам, задавая направление. Не знаю, как уж он так быстро ориентировался на новом месте (может, тараканье чутье какое), но неприметную низкую и основательную дверь мы нашли быстро.

– Давай сюда, я чую кухонный дух, – прокомментировал шестилапый проводник, и сам, не дожидаясь меня, юркнул за дверь.

Я решила не отставать и поспешила за личным Сусаниным следом.

Темный коридор, звяканье кастрюль и негромкие переговаривающиеся голоса – все это я старалась миновать как можно быстрее, волоча в охапке перед собой груды тряпья. Подозреваю, что и за мной связанная одежда тянулась хвостом. За ближайшим же углом свалила свою ношу и перевела дух.

Таракан, взявший на себя роль нити Ариадны, быстро семенил вперед, бормоча под нос «не то, не то, не то».

Про способ определения нужной нам комнаты я сейчас спрашивать не рискнула, чтобы не отвлекать членистоногого проводника, но зарубку в памяти сделала.

Тараканий писк: «Вот она!» был подобен «Эврика!» Архимеда.

Я про себя взмолилась небесам, чтобы хотя бы эта дверь не была заперта.

Когда створка, которую толкнула, скрипя, приоткрылась, я была просто счастлива. Наверное, во сто крат больше, чем на первом экзамене. Тогда я вытащила билет и уставилась на него, как баран на бронзовые софийские ворота (в том плане, что рога пообломаю, а пробиться сквозь каверзные вопросы даже к трояку не пробьюсь), но начала что-то невразумительно отвечать, и каша в моей голове чудесным образом превратилась в лапшу на ушах преподавателя по биохимии. Он даже четверку в зачетку поставил. Я поверить не могла в этот фокус фортуны.

Таракашка тоже запищал от экстаза, правда, по другому поводу:

– Успели, портал все еще открыт, сейчас. – Фир засуетился, описывая круги вокруг рамы. – Подправить, подцепить координаты предпоследнего перехода, добавить. Да куда же я эту свернутую матрицу дел, мне ее господин Микелис цеплял, чтобы я тебя вернуть мог... А, вот, отлично...

Единственное, что я из всего этого бормотания поняла, – Фиру удастся вернуть меня назад, в мой мир, ну или хотя бы в дом алхимика. Главное – я уберусь отсюда!

Таракашка самодовольно заключил:

– Готово! – и даже передними лапками прищёлкнул: – Прошу вас, юная леди, прямиком в ваше зимнее утро. Траекторию рассчитал так, чтобы приземлилась в мягкий сугроб.

Выдохнула, мысленно перекрестившись от всего кошмара, что приключился со мной за последние сутки, и шагнула в телепорт. Когда свет мягко и ласково начал окутывать меня, я была счастлива, предвкушая скорое возвращение туда, где если и не совсем безопасно, то хотя бы понятно.

И каково же было разочарование, когда вышла я из портала ровно в той же комнате, откуда так пыталась выбраться. Угрюмо уставилась на апартаменты Ария, а таракашка с отвисшей челюстью – на меня.

– Что это было? – только и смогла сказать я.

– Не знаю, – ошарашенный голос Фира был еще одним подтверждением: все идет абсолютно не по плану.

– Давай еще раз.

Я шагнула в портал, но на выходе меня ожидала все та же картина: Фир посреди комнаты. На этот раз таракан озадаченно потирал передними лапами усы.

– Похоже, этот мир не хочет отпускать тебя. Ты, часом, не давала никому обещания на крови, не клялась в великой мести? – начал членистоногий подозрительно. – Обычно мир не отпускает, если здесь у тебя осталось какое-то очень важное дело...

Начала перебирать все события, случившиеся со мной за короткий промежуток времени, словно бусины на четках. Брак отпал сразу – иначе Фир бы первым об этом упомянул. Что же

тогда?

В голове всплыли слова умирающего архимага: «Возьми силу и отомсти за меня». Даже его голос в ушах померещился.

Я помотала головой, прогоняя наваждение.

– Знаешь, кажется, есть у меня здесь такое дело, – устало произнесла я, опускаясь прямо на пол рядом с тараканом на колени...

Фир, узнав, что именно мне перед смертью сказал архимаг, аж запрыгал, тем самым выражая крайнюю степень возбуждения. Даже жесткие надкрылья слегка растопырил, словно собирался взлететь.

– Я знал, я так и знал, что этот придворный интриган просто так не отдал бы всю свою силу никому, даже на смертном одре. И нате вам! Что теперь делать? Одно дело отомстить – может, ты и смогла бы. Вы, женщины, до пакостей большие мастерицы, но все упирается в вопрос: кому устраивать вендетту-то?

Я понуро склонила голову, понимая, что так просто отсюда выбраться не удастся. Взгляд упал на руку. На указательном пальце белела тонкая ниточка шрама – память о том, как я училась кататься на велосипеде. Как результат: сверзлась и рассекла себе фалангу до кости. После того как наложили швы, я боялась подходить к двухколесному монстру, но папа, приобняв меня за плечи, сказал: «Я верю в тебя. Ты – моя дочь, и ты не отступишь. Ты сможешь добиться всего. Я это знаю. Стоит только победить страх и начать действовать». В тот же вечер я уже каталась на «взрослом» двухколесном велосипеде, а то, что руль держала руками, на одной из которых красовался бинт... у всех бывают падения и неудачи. Только сильные через них перешагивают и идут дальше, добиваются цели, а слабые жалеют себя и баюкают, пестуют боль.

– Ты прав, пока неизвестно, кому мстить. Поэтому надо сначала найти убийцу.

Фир лишь обреченно вздохнул, задрал усы вверх и мученическим взглядом воззрившись на потолочный канделябр. Не иначе просил у него терпения и сочувствия.

Спустя минуту молчания таракашка выдал:

– Хорошо, я тебе помогу, но с условием: без глупостей. И постарайся сделать так, чтобы, когда Кассандриола займет твое место рядом с Арием, дракон подмены не заметил. Иначе скандал будет такой, что ни придворному алхимику, ни нам с тобой не сносить ни головы, ни усов.

Я согласно кивнула.

– Давай тогда я сейчас перенастрою портал, энергия в нем пока еще не до конца иссякла, и быстро перемещусь к господину Глиберусу, введу его в курс дела и узнаю, как себя чувствует настоящая Кесси.

Меня давно мучила мысль, которую я сейчас и озвучила:

– Скажи, как так получилось, что меня из моего мира ты вытащил безо всяких рамок, одним шевелением усов, а сейчас трясешься над крупницами энергии этого телепорта?

Таракашка фыркнул, словно я спросила несусветную чушь, но все же соизволил пояснить:

– Когда перемещал тебя с Земли, у меня была уже заготовка формулы и запас энергии для ее активации. Господин Глиберус специально меня выбрал для этой миссии. Я – самый мощный его накопитель, – не без гордости заявил Фир. – Но если нет энергии, то будь целый воз формул, алгоритмов и заклинаний – даже свечку магически зажечь не получится. Так что надо поторопиться, пока остатки энергии не рассеялись.

Таракашка деловито принялся шнырять рядом с рамкой.

Уяснив вопрос с магическими способностями Фира, я больше не обращала на него внимания. В моем мозгу шестеренки вовсю заработали в другом направлении. Есть такая дурацкая черта моей натуры: если вижу цель, то начинаю ее добиваться, отринув все остальное. Захотела как-то, еще в десятом классе, золотое колечко. Причем до «не могу» захотела. У мамы с папой на мою блажь средств не было – братишка младший из девятого выпускался, денег было в обрез. Поэтому я целый месяц летних каникул провела, работая официанткой в летней шашлычке, вместо того чтобы отдохнуть с подругами на пляже, но своего добилась. Первого сентября красовалось на моем среднем пальце заветное колечко.

Вот и сейчас, задавшись целью «найти», уже прикидывала, что нужно сделать в первую очередь.

– Тогда, раз уж ты наведаешься к придворному алхимику, узнай, кто именно входил в состав вчерашней драконьей делегации. И если удастся найти свидетелей – кто из этих ящериц отлучался из янтарного зала?

Таракашка опалело покрутил усами от моей прыти:

– С «не сможем отыскать», я, пожалуй, погорячился. Мозги у тебя все же есть, а про свидетеля – и список, и про «отлучился» вернее всего узнать у церемониймейстера. Это как-никак его прямая должностная обязанность – знать прибывших гостей по именам. Но учти, список будет не из трех имен.

Это я знала и без членистоногой дуэньи. Но у меня, в отличие от ребят из РУВД, был стимул посерьезнее выговора за нераскрытое дело: застрять в мире, где тебя в случае раскрытия личины могут запросто убить, как-то не хотелось.

Фир, озадаченный новым поручением по самые усы, суетливо засеменял к порталу, свечение от которого начало уже по краям истаивать.

– Подними меня на уровень центра рамы, – командирский тон таракашки не терпел возражений.

Я подчинилась, подставив ладонь, на которую усатый ловко взбежал, и подняла его чуть выше метра от пола. Таракан сделал несколько шагов назад, словно беря разбег на руке, а потом, пошевелив усами, резко прыгнул в воронку света, которая начала стремительно закручиваться по центру контура портала.

Оставшись одна, я какое-то время просто смотрела сквозь пустую рамку телепорта, размышляя, что же мне делать дальше. Может, и дольше бы простояла, но напрочь замерзшие ноги напомнили о себе покалыванием. Словно в подошву ступней разом вонзили сотни две иголок. В горле предательски запершило – еще немного, и оглушительно чихну. Пришлось задержать дыхание.

Поплотнее запахла халат, за одно утро ставший из снежно-белого полосато-серым, посмотрела на ноги, которые были как после грязевой спа-процедуры (вот только основной ингредиент, с которым проводили сеанс, смыть забыли). Подозреваю, что и волосы на голове напоминали воронье гнездо.

Хороша же я – невеста после первой брачной ночи. Ну да задерживаться здесь не стоило. Я тихонько приоткрыла дверь и выглянула в коридор. Меж сумрачных стен не гуляло даже эхо. Проведя эту нехитрую рекогносцировку, тихонько вышла из комнаты и направилась по вчерашнему маршруту, который сохранился в памяти лишь в общих чертах.

Дом просыпался. Это было не только слышно. Пробуждение витало в воздухе ароматом сдобы и корицы, раззавешенными шторами, лучами солнца, вольготно расположившимися

на подоконниках, далёкими пока отзвуками голосов.

Миновав комнату, где вчера у камина состоялся самый необычный диалог, который мне доводилось вести за всю свою жизнь, я испуганным зайцем метнулась вверх по лестнице. Несколько пролетов и опять коридор.

Методом совершенно ненаучного тыка, с пятой попытки нашла-таки «свою» спальню. Идентифицировать ее с первого взгляда помогла груда бархата, вчера бывшая моим платьем. Вошла и затворила за собой дверь. Фух! Кажется, обошлось.

Теперь, раз попытка побега не удалась, стоит хотя бы замести следы оной, резко бросающиеся в глаза. А то вид у меня совсем уж неподобающий. Поискала взглядом раковину – пробник ванной комнаты. По моим представлениям он, или хотя бы кувшин с водой и таз для умывания, должен был находиться в спальне.

То ли у меня были какие-то неверные представления о спальнях господ, то ли просто попалась неправильная спальня, но даже ночного горшка я не обнаружила. Зато наткнулась на бронзовую ручку, торчащую посередине стены. Поступила с ней по принципу знаменитого медвежонка: «Если есть ручка, значит, должна быть и дверь», и с силой потянула. Зря. Петли оказались смазаны, и я чуть сама себе не врезала по носу дверным полотном.

Помянула недобрым словом местного дизайнера, не пожелавшего оставить дверь дверью, а не маскировать оную, обклеивая, как и стену, шелковой тканью так, что с первого взгляда даже и не заметишь. Хотя, может, Ария оскорблял вид «врат в комнату уединения»?

Кстати о последней. С малометражным решением хрушевок данное помещение имело лишь одну общую черту – название «ванная». В остальном... Начать бы с того, что из стрельчатого окна этого уголка задумчивости лучился поток яркого солнечного света. Панорама столицы все так же завораживала. А за городской стеной лучи солнца танцевали на водной глади в ритме сальсы: такие же озорные и живые, как знаменитый латиноамериканский ритм. Яркая, только еще пробудившаяся к жизни зелень горного склона и шапки ледников, разрывающие плавную линию горизонта.

А размеры самой комнаты! Насчет взрослого не скажу, но вот на детском велосипеде здесь можно было с ветерком прокатиться.

До этого момента я как-то не задумывалась: а как должна выглядеть ванная в таком доме? Разве что на задворках сознания бродил образ деревянной лохани, находящейся непременно на первом этаже, чтобы слугам было сподручнее таскать туда воду ведрами. Здесь же, в свете утреннего солнца, на изрядной высоте (точное число этажей посчитать не удалось – когда спускалась из окна Ариевой спальни, немного не до этого было) – все иначе, словно в насмешку над стереотипами об омовениях в этих самых замках. Но что меня поразило больше всего – сама ванна: медная, она величественно стояла по центру, словно знатная дородная госпожа. Рядом с одной из ее ножек вырос кран. Вычурный, громоздкий, но с двумя медными вентилями.

«Здесь есть горячая вода», – мысль, пришедшая на ум при взгляде на эти чуть подернутые зеленым налетом окисла маховики, была очевидной.

Я подошла и повернула вентиль. Труба крана утробно заурчала, плюнула потоком воздуха, а затем и ржавой водой. М-да, рано я возрадовалась местным благам цивилизации. Постепенно поток воды стал светлеть, даровав надежду, что хотя бы через какое-то время то, что течет из крана, будет пригодно для умывания.

Оставив воду включённой, решила разыскать еще одну необходимую вещь – полотенца.

Стопка их обнаружилась в комод, стоявшем здесь же. Рядом с ним висело зеркало, позволившее разглядеть себя в полный рост.

«Да, мать, ты хороша», – вынесла я сама себе вердикт. Лицо, перемазанное пылью и грязью, на спутанных волосах паутина, рассаженная (это уже памятный след от ветра, приложившего меня хорошенько о каменную кладку при спуске) скула. А халат? Он теперь больше походил на половую тряпку: изодранный на локтях, грязный.

Положим, для меня видок хоть и не типичный, но все же... Когда после майского «картофельного рабства» на даче вечером заползаешь на веранду – рабочие джинсы и рубашка могут быть примерно такими же изгвазданными. Другое дело – Кассандриола Глиберус. Судя по кратким отзывам Фира, она – барышня утонченная и воспитанная, колорадских жуков по жару не собиравшая, – так навряд ли когда-нибудь выглядела.

Я еще раз взглянула в зеркало. Интересно, какая она, эта Кассандриола? Судя по отражению, смотревшему на меня, – с чуть задранном кверху носом, милыми чертами лица, но не роковая красавица. И коса у нее должна быть длиннее моей – вон какой шиньон прикололи на макушке. Рыжеволосая – это точно. «Да уж, – я хмыкнула, – если для дочери придворного алхимика оттенок шевелюры – дар природы, то в моем – результат продукции польского химпрома». Именно краску для волос из этой страны подруга не далее как позавчера наносила на мои волосы. Вот за что не люблю зеркала – так это за то, что они, заразы, никогда не подсластят пилюлю, не скажут незаслуженного комплимента, не польстят для поднятия настроения. Только голая правда в отражении. Вскочил прыщ – обязательно покажут, как и лишний жирок на талии... Вот и сейчас я подумала, что про такую, как Кассандриола, не скажут, что девица имеет внешность ангела, душу дьявола, шлейф из тайн и обольстительный взгляд. Увы. Симпатичная, но обычная.

Я машинально начала вытаскивать из прически шпильки. На пол упал осточертевший шиньон, теперь напоминавший репицу конского хвоста, пряди рассыпались по плечам. Только теперь я поняла, насколько же легко, когда волосы распущены.

Кран недовольным урчанием напомнил о себе. Сейчас поток воды был уже чистый. Повернула и соседний вентиль – из него тоже некоторое время лилось что-то буро-рыжее.

Наконец рискнула набрать ванную. Не сказать, чтобы омовение доставило мне неземное удовольствие, но самое главное было достигнуто: я больше не напоминала чумазого Гекльберри Финна.

Завернувшись в полотенце, пошла обратно в спальню. Там меня уже ожидал сюрприз. В комнате служанка заправляла постель. Женщина уже в годах, грузная, в белом переднике и чепце, что-то ворчала себе под нос, взбивая подушки.

– Да еще и эта, из людей, здесь жить будет. Ишь чего не хватало... – бурчала она. Так «тихо», для себя, обыкновенно ворчала моя бабушка, тугая на оба уха, считавшая, что ее никто в эти моменты не слышит.

Я кашлянула, и служанка встрепенулась. Она повернулась ко мне лицом и сделала книксен.

– Доброе утро, госпожа, простите, подумала, что вы уже спустились вниз к завтраку. Господин Дирриеттинг часто спускается вниз в халате... – По слегка ворчливому тону женщины было понятно, что она лишь соблюдает границу между госпожой и прислугой, но почтения ко мне у нее нет и в помине.

Похоже, Фир был прав, говоря, что хозяйка я здесь только номинальная.

– То мой муж, а чтобы госпожа спустилась к завтраку, госпожа должна быть одета. – Я

постаралась придать тону оттенок холодности. В душе боролись два противоречивых чувства: с одной стороны, вдолбленные с детства догмы о почтении к возрасту, с другой – нужно соответствовать образу аристократки. И еще. Я не представляла, как обращаться к этой женщине: на «вы» или на «ты»? Воспитание победило. – Назовите ваше имя.

По тому, как взметнулись брови женщины, поняла – не угадала, слугам в этом мире принято «тыкать».

– Нария, госпожа.

В голове мелькнула мысль: кажется, у светских барышень были камеристки. Что это за звери такие, я представляла весьма смутно, но, положившись на интуицию, добавила:

– А без камеристки одеться порою затруднительно...

Служанка, уловив выюжные нотки в моем голосе, склонила голову, и, сделав еще один книксен, произнесла:

– По распоряжению господина Дирриетгинга обязанности вашей камеристки с сегодняшнего дня исполняю я.

«Вот тебе и веселая молоденькая гризетка, которая поможет затянуть шнуровку на спине», – прокомментировала я себе под нос.

Вопреки мрачным ожиданиям процесс облачения прошел без эксцессов. Нария открыла шкаф, показывая платья. Из висевших на вешалках нарядов мне предстояло что-то надеть. Хорошо хоть под каждым одеянием стояла пара обуви, избавив от обязанности подбирать «черевички» в тон.

Руководствуясь принципом «чем проще, тем лучше», ткнула пальцем в самое неприметное одеяние. Зеленое, прямого покроя, со шнуровкой сзади – оно показалось мне наиболее свободным. К платьям с куполообразной юбкой я, благодаря вчерашнему дню, испытывала стойкую неприязнь.

Нижняя батистовая рубашка, которую полагалось надевать под платье, приятно холодила тело, от корсета же я категорически отказалась. Служанка сначала на мое заявление удивилась, а потом, отвернувшись и направившись в сторону шкафа за туфлями, пробурчала себе под нос: «Без этого корсету, может, оно и лучше, если от господина понесет – дитю легче будет...»

Подумалось: верно, эта Нария, хоть и ворчунья, но Арию по-своему предана. Учтем.

* * *

Нария проводила меня до столовой и пояснила, что еду сейчас подадут. Выдав эту ценную информацию, женщина скрылась, переваливаясь утиной походкой и шурша юбками. Но спокойно поесть мне не удалось. Двери распахнулись, явив взору мужчину в элегантном камзоле. Приглядевшись повнимательнее, я поняла, что если это – обычный мужчина, то я – хряк в балетной пачке. Передо мной был эльф, и, похоже, тот самый, шпийёнистый.

Заостренные, «леголасьи» уши, темные длинные волосы, на первый взгляд небрежно распущенные, но самое главное – кожа, мраморно белая, словно светящаяся изнутри. Прямой нос, каким могла бы гордиться и римская статуя, тонкие, четко очерченные губы. По земным меркам ему на вид было не более лет двадцати двух или двадцати трёх. А по здешним – кто его знает? У вошедшего было обманчиво-спокойное выражение лица.

Тем временем визитер приблизился к столу.

– Рад приветствовать княгиню Дирриетгинг. – Эльф склонил голову в знак приветствия. Впрочем, руки лобызать не полез. Ну и слава Богу, я не архиерей, чтобы мне перста целовали. Пришедший же тем временем продолжал:

– Я только что из столицы, мое имя Эриниэль Иллангрийский, но для вас просто Эрин.

Остроухий бесшумно рассмеялся, словно только что сказал что-то смешное. Поскольку с моей стороны ответа не последовало, эльф обошел стол и, отодвинув стул, расположился напротив. Взяв со стола салфетку, он с таким изяществом и небрежностью развернул ее и положил на колени, что я мысленно скривилась: от этого бледненького за версту несет не то что голубой кровью, голубыми генами. Я же о светских этикетах знала в основном по фильмам и книгам, да и то – поверхностно. А вдруг этот, приставленный наблюдать, меня на раз раскусит? Что бы такое придумать, чтобы отвлечь эльфа? Лихорадочно прокручивая в голове варианты, пришла к выводу, что лучшая защита – это нападение.

Пока слуга расставлял перед гостем завтрак, я стреляла глазками по сторонам.

Пользуясь тем, что пока ушастый озвучил лишь свое имя, не обозначив статус пребывания, я самым невинным голосом начала:

– Мне супруг про вас рассказывал. Вы его друг и помощник, поэтому он пригласил вас помочь мне здесь обустроиться.

Эльф, не ожидая подвоха, кивнул, соглашаясь.

– Я так за это Арию благодарна. – Мой бойкий щебет сейчас превосходил пресловутых канареек. – У меня будет одновременно и тот, кто сможет защитить, и подруга... – Сделала вид, что замялась, и даже чуток задержала дыхание, чтобы на лице появился приличествующий румянец, а после добавила: – Муж мне сказал, что вы предпочитаете, как бы это сказать, не дамский, а сильный пол. Поэтому я могу не беспокоиться насчет мужского внимания с вашей стороны.

Эрин, как раз в этот момент проглотивший ложку овсянки, закашлялся, подавившись, а я, продолжая изображать альтернативно-одаренную, участливо спросила:

– Что с вами?

– Нничего. – Леголасообразный наконец совладал с приступом кашля.

Попался, – усмехнулась про себя. Знать дословно, что именно мне сказал Арий, этот ушастый навряд ли мог. А поскольку он не обозначил прямым текстом, что будет за мной наблюдать, следовательно, это ему Арий поручил делать тайно. И вот теперь, чтобы себя не раскрыть, элфу придется играть роль, которая ему навязана. Да, я вредная мелкая козявка, сделавшая маленькую пакость. Но кому придется по душе шпион, или, как в старину говорили, шпик, подглядывающий за тобой в замочную скважину?

Но надо было доигрывать роль «гламурной лосихи» (именно так моя подруга, Анжелика, метко окрестила девиц стиля а-ля Барби: высоченные каблуки, глупые разговоры и ай кью, уходящий в минус). Хотя подозреваю, что в этом мире тоже было свое название для не обремененных интеллектом светских барышень, основные разговоры которых вертелись вокруг кринолинов и сплетен высшего света.

– Не переживайте, супруг предупредил, что ваша милая сердечная слабость – это личная тайна. Я никому о ней не скажу, уверяю вас.

В ответ на мои слова эльф лишь начал пощипывать мочку уха, отчего та приобрела особо нежную окраску и даже легкую прозрачность. Наконец, он выдал:

– Пожалуй, сударыня, будьте столь любезны и сохраните это в тайне. Буду вам за это весьма признателен. – И ушастый хитрец тут же перевел разговор на другую тему: – Как вам

нравится этот уединённый дом?

Вот тут я растерялась. «Уединенный?» – да тут же столица из окна видна как на ладони, какое же уединение-то?

Я мягко попыталась донести эту мысль до сына леса:

– Простите, но мне, наоборот, показалось, что столица слишком близко...

Тут эльф совсем не по-великосветски хлопнул себя по лбу.

– Как я забыл, что вы, жители равнин, ни разу не видевшие гор, не знаете, что расстояния здесь – иллюзорны. Воздух слишком чист, поэтому видимость в горах гораздо дальше, что и рождает ощущение обманчивой близости. На самом деле до столицы добрых двое суток пути. Замок же Дирриетгинга стоит на отроге хребта, возвышаясь над белыми башнями Актыра.

Из его поэтично-путаного объяснения я лишь поняла: в горах даже глазам не всегда следует верить.

Эльф продолжил рассказ об особенностях скал и долин, и наш разговор пошел в неспешном русле беседы ни о чем. Под конец завтрака, когда суфле отступало под натиском десертной ложечки, Эрин предложил прогуляться.

Ага, нянька выполняет свои прямые обязанности: ребенок должен быть покормлен, нагулян и поигран.

Вот только мне его расклад никак не улыбался. Чем чаще мы общаемся, тем больше у меня шансов проколоться на какой-нибудь ерунде. Но и отвечать безосновательным отказом – значит вызвать подозрения. В итоге решила поступить по принципу: импровизация наше все и даже больше.

– С удовольствием. – Я мило, чуть застенчиво улыбнулась. – Только поднимусь в комнату, возьму что-нибудь накинуть на плечи. На улице еще утро, и, наверное, прохладно.

– Конечно-конечно, я подожду вас в зале.

Вот ведь гад ушастый, даже тут не отстаёт.

Тем временем эльф, подойдя ко мне со спины, помог встать, отодвинув стул. Обычная норма этикета, не более. А потому легкое, едва уловимое, щекочущее шею дыхание Эрина, приблизившегося ко мне со спины, было полной неожиданностью.

Он вкрадчиво прошептал на ухо:

– Княгиня, я чувствую в вас тайну. Не обычную женскую кокетливую уловку, чтобы заинтриговать, а иную. И ее так и тянет разгадать. Вы – удивительная женщина...

Этот паршивец отстранился, словно играя со мной, и скучаяще добавил:

– Но Арий прав, мое сердце до этого принадлежало мужчинам, но кто знает...

Я отчетливо поняла: точно, играет. Как кот с мышкой. С глупой такой мышкой. То ли проверяет меня на верность по приказу Ария, то ли просто ему стало скучно и он решил позабавиться с глупышкой, роль которой, судя по всему, мне определенно удалась.

Я часто задышала от нахлынувшего волнения. Но оно было отнюдь не амурного, а скорее нецензурного плана. Самым приличным эпитетом для эльфа, из пришедших на ум, было «кобелиссимо».

Эрин же, похоже, принял изменение моего состояния за первую стадию влюбленности молодой дурочки, поскольку, «закинув удочку», перешел к отступлению, словно ничего и не было.

Слегка отстранившись, он обычным, чуть медленным тоном произнес:

– Позвольте, сударыня, проводить вас до лестницы.

Ответить: «Не позволю» – было бы хамством и грубостью, которая не приличествует аристократке, поэтому пришлось дать согласие и на эту процедуру.

Мой кивок головы и шумный вздох были расценены эльфом как согласие. Мы направились к выходу.

У первой ступени ушастик от меня отстал со словами:

– Буду ждать с нетерпением.

Мысли металась в голове стаяй всполошенного воронья. Что делать? Что же делать?

Когда до конца лестницы оставалась всего пара ступеней, пришло озарение. Времени на оценку того, насколько родившаяся идея разумна, уже не было, и я начала ее воплощение.

Неловко подвернувшийся каблук, теряю равновесие в попытке ухватиться за перила, но рука не достает, и я лечу кубарем вниз.

Как только себе зубы не выбила и ничего не сломала – чудо.

Перепуганный эльф, склонившийся надо мной, был не самым радужным виденьем, но в случившемся падении был несомненной плюс: я со спокойной совестью могла отрубиться, что и сделала.

* * *

Пришла я в себя под тихий говор голосов.

– Докторус, у нее слишком долгий и глубокий обморок, может, все же стоит вызвать мага для...

Второй перебил Эрина (а о маге заикнулся именно эльф):

– Полно. Девушка всего лишь переутомилась. Серьезных травм нет. Ей просто нужен покой...

– Хорошо, я распоряжусь, чтобы княгине прислали сиделку.

Вслед за этими словами послышался шум шагов и скрип двери: неизвестный мне докторус и эльф покинули спальню.

Судя по ощущениям тела, как и предполагал местный эскулап, непоправимо я себе ничего не покалечила. Локти, левая лодыжка и спина болели, но терпимо.

Служанка явилась быстро. Видимо, забота о здоровье потенциальной матери наследницы рода Дирриетгинг была здесь не пустым звуком. Или Эрин проявил опеку? Думаю, что у него ни разу в практике не было клиентки, которая умудрилась бы себя самостоятельно «нечаянно» покалечить в течение первого получаса знакомства. Да так, чтобы сразу и слечь. Вот попытки покушения и убийства, кражи – наверняка, шпион же как-никак, и привык к ним, небось. А вот к дурости, как и к кирпичам с неба, притерпеться гораздо сложнее.

Оставшись наедине со служанкой, которая стала поспешно поправлять мне одеяло, я приоткрыла глаза. «А впрочем, стоит притвориться немощной и хилой», – пришла мысль. Увы, МХАТов и Щуки не заканчивала, но всякой женщине природой дана хоть малая толика лицедейского таланта.

Стоны и изможденные взгляды обманули служанку, просидевшую у кровати всю ночь, хоть я возражала против этого, правда, голосом слабым и усталым, чтобы не выходить из роли.

Однако присутствие этой женщины не помешало мне отдаться своим мыслям.

Найти убийцу архимага – задача не из легких. Сначала надо составить полный список всех, кто был в тот день на приеме, а потом вычеркивать из него всех, у кого есть алиби. Кажется, так поступают, сужая круг подозреваемых. А что, если тех, кто потенциально мог убить, окажется слишком много? Так, идем от обратного. Как там говорили еще древние римляне: «*Is fecit cui prodest*», или «Это сделал тот, кому выгодно». Вернее, в моем случае сделали. Их было двое, вернее, два голоса, не считая самого архимага.

Что же они не поделили? Навряд ли придворного колдуна убили из-за любви: слишком уж деловой оттенок был у их короткой беседы. Тогда что? Мечь? Нет, скорее всего, деньги. Звонкая монета – зачастую сводная сестра интриг и заговоров... Куда я влезла?

Вопросов было много, а ответов... С этими мыслями я и заснула.

Служанка тихо ушла, не потревожив.

Разбудили меня утренние лучи солнца, просочившиеся сквозь щель между тканью портьер. Первое время предусмотрительно решила еще полежать, и не зря. Буквально через несколько минут в дверь постучали, и, услышав разрешение войти, появилась вчерашняя сиделка. Осведомившись, что желает проснувшаяся госпожа, девушка ретировалась за завтраком.

Заглянула и Нария, узнать, что я желаю. Получив ответ, что сиделка уже отправилась за завтраком, камеристка неодобрительно на меня посмотрела, так, словно я была начальником, поручившим важную работу не заму (надо полагать, что эта дородная фрау именно так расценивала свой статус камеристки), а рядовому служаке. И тот наверняка не справится с ответственным поручением. Но Нария смолчала и, обронив: «Сейчас вернусь», величественной походкой уплыла. Впрочем, явилась достаточно скоро со здоровенным колокольчиком:

– Если что-то потребуется – позвоните погромче, и я обязательно приду... – В ворчливых интонациях слышалась забота. Нет, эта женщина определенно предана Арию, раз при всей личной антипатии ко мне проявляет заботу о жене господина.

Во время завтрака, принесенного сиделкой, зашел Эрин осведомиться о моем самочувствии. Удовлетворившись ответом, что я еще ужасно слаба, эльф удалился. А потом... наверное, каждые полчаса Нария заглядывала ко мне в комнату со словами:

– К вам явился такой-то или такая-то, засвидетельствовать свое почтение и поздравить молодую княгиню...

Хотя интонация этой фрау, когда она уведомляла об очередном визитере, была примерно: «Еще один лизоблюд и стервятник/сплетница пожаловал...» В этом я была с ней солидарна, поэтому камеристка покидала мою спальню, подозреваю, тайно улыбаясь и унося ответ: «Госпожа нездорова и сейчас никого не принимает...»

Теперь я стала понимать, почему Арий не опасался, что я вычислю шпиона, предупреждая о нем (особые эльфячьи приметы муженек же не упоминал), – в такой толпе визитеров поди догадайся, кто за тобой приставлен, а еще есть прислуга...

К полудню поток желающих поскорее познакомиться с супругой князя иссяк, о чем камеристка и доложила, добавив от себя: «Отдыхайте, госпожа».

Оставшись одна, встала; кровать, в которой предусмотрительно пролежала все утро, чтобы у прислуги и эльфа заодно сложилось впечатление, что я все еще слаба, жгла, словно раскаленная сковорода. Взглянула на закрытую дверь и даже улыбнулась от малой радости: наконец-то.

В кои-то веки можно свободно проявлять свои чувства, не боясь, что за мной

подглядывают. Впрочем, последнее не доподлинно известно. Эльф же бдит. Подумалось: «Стоит себя обезопасить на этот счет, и я даже знаю один милый способ это сделать».

Обмылок, обнаружившийся в ванной, лучше всего подошел для задуманного, идеально вписавшись в замочную скважину. Получи, вуайерист ушастый!

Уловки хватило, но ровно до того момента, когда солнце, пройдя зенит, начало клониться к закату, а тени чуть удлинились. В комнате, окно которой выходило на восточную сторону, наконец-то стало не столь ярко.

Именно тогда и заметила, как с периодичностью около получаса щель между дверью и косяком становится чуть больше. Не иначе, благодаря стараниям остроухого.

Пришлось опять перейти в режим «больная on-line».

Вечер тянулся долго: эльф шпионил, я делала вид, что не замечаю этого и болею.

Разнообразие в этот двойной спектакль внесла лишь Нария, причем в прямом смысле внесла. Вместе с подносом, на котором был ужин.

Внимательно проследив, чтобы я съела если не все, то хотя бы большую часть (камеристка на все мои возражения об отсутствии аппетита отвечала лишь одно: «Господин поручил мне заботу о вас, а чтобы поправиться, необходимо нормально есть»), я не стала ей возражать.

Единственное, о чем попросила служанку после ужина, – принести мне перо и бумагу, чтобы написать письмо супругу. Услышав пожелание, Нария скупно улыбнулась и отправилась выполнять просьбу. Она вернулась довольно быстро, неся походный планшет с чернильницей, а потом, шурша юбками, удалилась. Конечно, нехорошо было обманывать фрау почтенных лет, но мне нужен был слушатель. Хотя бы бумажный. А листы... огонь всегда славился отменным аппетитом, сжигая порою надежды, мечты, судьбы. С пергаментом он точно справится.

День третий

Данный день в дневнике пропущен, поскольку не произошло ничего интересного, не считая полного упадка сил и безумного желания спать, коим и поддалась.

День четвертый

16.02.2016 по римскому календарю

19 травня 9785 года по веремскому летоисчислению

Было давно за полночь. Перо царапало бумагу, выводя неровные строки. Все же шариковая ручка – гениальное изобретение человечества, а я – изнеженное дитя двадцать первого века. Но даже такая рейтинг-терапия помогла. Фира все не было, я уже второй день разыгрывала немощную, чудом выжившую после катастрофы. Напряжение все накапливалось и требовало выхода.

Рассказать, хоть кому-нибудь, но рассказать, чтобы не сойти с ума, чтобы ощутить себя живой, вменяемой. А нужно молчать, иначе – смерть.

Поэтому-то и решила озвучить просьбу камеристке. Пусть с обманом, но все же. Как только Нария принесла походный планшет с листами пергамента и маленькой чернильницей-непроливайкой, руки так и зачесались. Я не стала их удерживать: понеслась душа в рай. Описывала все случившееся, хотя до этого ни разу не вела дневник, и чувствовала, как становится легче.

Перечитала, всматриваясь в строки. Гусиное перо все же знатно изменило почерк. Такое ощущение, что царапал по пергаменту второклашка, не иначе. Но, пробежавшись взглядом по написанному, поймала себя на мысли, что обдумываю сложившуюся ситуацию, но уже со стороны.

Решение о плане дальнейших действий пришло само. Кое-что можно разузнать и без усатой дуэньи.

Я сидела на кровати, укрыв ноги одеялом, папка-планшет, заменявшая стол, лежала у меня на коленях. Пламя двух свечей, стоявших в канделябре, извивалось в причудливом танце. За окном ночь уже давно правила балом. Дом спал, бодрствовали только два полуночника: я и мой шпиён. О последнем сообщил легкий сквознячок из щели чуть приоткрывшейся двери.

Нет, этот остроухий меня достал!

Сделав вид, что ничего не заметила, я положила листы на прикроватную тумбу и задула свечи: пусть думает, что легла спать.

Сквознячок погулял еще немного по комнате, но, решив, что хорошего помаленьку, быстро моцион закончил, как только с той стороны дверь бесшумно прикрылась. Я выждала пару мгновений, а потом, припомнив кое-что еще из практики летних лагерей, отправилась искать кувшин или горшок. В ванной, в темном углу обнаружилось ведро. Ржавое, оно напоминало доспехи шведского рыцаря, пролежавшие многие века на дне Чудского озера и поднятые на поверхность не иначе как сдуру аквалангистами. Но, как ни странно, оно было целым. «Подойдет», – решила я и потащила находку к кранам. Наполнила водой больше чем наполовину и понесла добычу в спальню.

Косяк и наличник двери были широкими, так что, зацепив дужку ведра за выпирающую шляпку гвоздя, я хоть и ненадёжно, но закрепила его.

Теперь всякий, пожелавший ко мне тихонько войти без стука, будет окачен холодной водой.

Притаилась под одеялом. Сон, как назло, шел, и зевать хотелось немилосердно, но я

бдела, за что и была вознаграждена в итоге.

Спустя изрядное количество времени, когда в голове окрепла и утвердилась мысль, что все впустую, дверь приоткрылась чуть пошире, впуская стройную мужскую фигуру. Наверняка шпиён захотел посмотреть, что же я строчу.

Уже приготовилась услышать плеск пролившейся воды, но вместо этого раздался грохот и идиоматические выражения, в которых я поняла лишь предлоги и одно местоимение: «в», «на», «между» и «твою». Остальное оказалось скрыто лингвистической тайной.

Причина озвучки многоэтажной конструкции была проста: пока дверь приоткрывалась и Эрин просачивался в комнату, ведро в лучших традициях белорусского партизанского движения решило, что воды лазутчику мало. Когда дверь открылась чуть сильнее, то дужка соскочила с ненадежного крепления над косяком. В результате проржавевший раритет стоймя упал на макушку разведчика.

Тишина оказалась нарушена, поэтому притворяться спящей смысла уже не было, а вот разыграть испуганную девицу – ситуация вполне позволяла. Этим и воспользовалась. Схватив канделябр, подскочила к эльфу. Я хотела всего лишь замахнуться и пригрозить, что незачем посягать на женскую добродетель и шпаться по чужим спальням ночью.

Пострадавший сидел, потирая макушку и глядя в пол, поэтому меня заметил только в последний момент. Увидев грозящий его лесной светлости канделябр, Эрин взмахнул рукой в движении, отточенном до рефлекса.

Мелькнула какая-то то ли брошка, то ли просто цацка, и я тут же ощутила на руке жжение, словно запястье в оттяг ударили ремнем.

– Мрак и преисподняя! Марак кечир! – выругался эльф, шипя от боли.

– Едрен батон! – Это уже я.

Наши запястья связывала цепь. От обычной ее отличало хотя бы то, что она светилась и жгла.

Первым дать не только эмоциональную, но и логическую оценку ситуации сумел остроухий.

– Госпожа Кассандриола, – мое имя, сказанное с явными матерным акцентом, с сегодняшней ночи, похоже, войдет у ушастого в список изошрённых ругательств, – зачем вы покушались на меня? Я подумал, что на меня нападает бандит, а рефлекс, знаете ли, штука осознанию не всегда поддающаяся... Привык активировать защитные амулеты.

Эльф хотел еще что-то сказать, но я его перебила:

– Вы путаете, дорогой Эрин. Это вы покушались на мою честь, я всего лишь ее защищала.

Леголасообразный лишь покачал головой.

– Вы, княгиня, не понимаете. Я активировал амулет, задача которого связать преступника. Его обычно кидают издалека, и он разворачивается сетью, а если под ноги – по принципу кнутовища обвивает икры. Мы же с вами оказались слишком близко, и он соединил нас.

– Так в чем дело? Разъедините, и делов-то. – Я даже нетерпеливо топнула ножкой, входя в роль капризной барышни.

Запястье снова обожгло, хоть и не так сильно. Судя по всему, эта цепь реагирует на движение.

– Не так просто. Снять блокировку можно специальным ключом, но он остался в моей комнате...

Закипающий эльф – это зрелище. Жаль только, что насладится им в полной мере не дал шум шагов.

Эрин, услышавший их первым, подхватил злополучное ведро и резво рванул к кровати, потянув и меня.

– Ложись на кровать и свесь руку с той стороны, так, чтобы вошедшему меня видно не было. Я спрячусь за кроватью.

Его логика меня ошарашила. Похоже, он что-то прочел на моем лице, или просто объяснить было быстрее, чем тащить на жгущем кожу буксире пятьдесят кило.

– У нас обоих, княгиня, есть репутация. У вас – как молодой и верной супруги, у меня, как у проф... – он тут же исправился, – тоже есть. А домыслы и сплетни погубили уже не одно честное имя. Слуги же – чаще чем кто бы ты ни было их и разносят. Так что не артачьтесь, а делайте, как я говорю, чтобы нам обоим не пришлось оправдываться перед Арием в том, чего не было.

Решила положиться в этом вопросе на эльфа. Как-никак, он-то рискует намного большим. Репутация создается годами, а разрушается в один момент. И порою даже не проверенными фактами, а вот так, из-за слухов и нелепых ситуаций.

Когда Нария вплыла в комнату (а это именно она проявила бдительность), я чинно лежала на постели, накрывшись одеялом чуть ли не до подбородка.

– Видимо, показалось, – расслышала я ее бормотание.

Лужа, растекшаяся на полу, в темноте была не видна, и камеристка не обратила на нее внимания.

Как только дверь закрылась, я прошептала:

– Вылезайте.

Голова эльфа показалась над кроватью, волосы, встрепанные и в пыли, теперь не имели ничего общего с утренней его причёской.

– Знаете, княгиня, признаться, в своей долгой жизни мне приходилось, конечно, в том числе и прятаться под кроватями, но обычно этому предшествовала ночь любви. Вы же единственная, кто заставил меня, как какого-то горе-любовника, скрываться, но при этом подарили вместо ласк здоровенную шишку. – С этими словами Эрин покосился на ведро, лежавшее рядом с ним.

Раритетный сосуд не ответил, лишь лунный луч скользнул по его вмятому днищу.

– Все когда-то случается в первый раз, – философски заметила я. – Давайте лучше решим вопрос с этим милым светящимся и жгущим руку браслетом.

– Жгущим? Обычно цепь раскаляется, если в том, кого она связывает, есть магия. Оковы ей и подпитываются. За себя могу поручиться: во мне нет ни капли способности к чародейству. Остаетесь только вы.

Крыть было нечем. Вот уж удружил покойничек-архимаг... Оставив заявление остроухого без комментариев, я продолжила мысль:

– Не суть важно, давайте решать этот щекотливый вопрос.

– А может, – в голосе эльфа появились мурлычущие нотки, – это сама судьба свела нас... И лишь вам суждено отвернуть меня от мужских ласк, и именно с вами, Кассандриола, я познаю всю прелесть единения с женщиной...

«Так, вторая часть Марлезонского балета: опять этот леголасообразный начал свои игры в кошки-мышки», – хмыкнула про себя. Возможно, будь я наивной тургеневской барышней, этот страстный шепот, горящий взгляд и учащенное дыхание, вкупе с юношеским

стремительным порывом, по итогам которого наши лица оказались столь близко, что можно было уловить дыхание друг друга, и возымели бы эффект. Но, во-первых, я знала, что эльф никакой не любитель сильного полу и это все блеф чистой воды; а во-вторых, его намерение быть ближе обусловлено отнюдь не любовью. Вернее, нет, любовью, но к деньгам, обещанным ушастому в качестве гонорара за слежку.

Увидев в моей руке канделябр, эльф замолчал на полуфразе.

– Простите, я непозволительно увлекся...

– Прощу, как только освобожусь от этого браслета.

Мы, как два ночных тятя, крались по коридору. Вид у нашей парочки, подозреваю, был весьма специфический: я в ночной сорочке и с канделябром (свечей в котором, к слову, не было) и эльф, взлохмаченный, в чулках, панталонах и батистовой рубашке.

Встреть нас кто, объяснить, что мы делаем вдвоем ночью в столь неподобающем виде, было бы тяжеловато... Хотя я мысленно прикинула, как вариант, изобразить больную лунатизмом, а Эрин меня отловил за этим занятием и ведет обратно в спальню. Единственное, подозреваю, что моих актерских потуг на этот спектакль могло и не хватить. Но обошлось без форс-мажоров.

Комната ушастого меньше всего напоминала логово холостяка. Такого идеального порядка не было даже на инструментальном столике, где принято раскладывать хирургические инструменты перед операцией. «Педант, чтоб его», – вынесла я вердикт.

[Купить полную версию книги](#)